

Владимир Андерсон

БОРЬБА

*Возмездие
в сумерках*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Андерсон
Борьба: Возмездие в
сумерках (книга четвертая)
Серия «Борьба», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69857341
SelfPub; 2024*

Аннотация

Четвертая часть саги *Борьба "Возмездие в Сумерках"*, где интриги, заговоры и противоборство принимают новый неожиданный оборот. Гора заключает соглашение с Коброй, их союз – это мощное оружие для них обоих. Но противостояние СЧК и Инквизиции грозит перерасти в полномасштабную войну, которая захватит в своё участие и людей. Только что созданная система самоуправления префекта вынуждена пройти новые испытания на прочность, в то время как движение маки, последний бастион свободы, грозит расколоться и уйти в небытие как нежизнеспособный организм. В *"Возмездии в Сумерках"* ставки высоки, а решения имеют глубокие последствия. Присоединяйтесь к этому эпическому приключению, где власть, предательство и борьба за выживание переплетаются в истории, которая оставит вас в ожидании каждой следующей страницы.

Содержание

Тарантул	4
Маша	13
Митрополит	18
Префект	25
Министр	28
Болотников	30
Наёмник	46
Верховный жрец	58
Шеф СЧК	63
Префект	68
Инквизитор	83
Болотников	91
Тарантул	100
Кошкина – Живенко	109
Болотников	119
Тарантул	123
Митрополит	128
Главкомандующий	140
Губернатор	145
Верховный жрец	153

Владимир Андерсон

Борьба: Возмездие в сумерках (книга четвертая)

Тарантул

Хиви не казались ему чем-то особенными. Хорошие вояки, которые нашли своё место на земле и теперь держатся за него. Глупо упрекать их в том, что они воюют на одной стороне с чумами или что так нещадно атакуют маки. Их место – это их место. И бессмысленно отрицать это. Кто-то должен был его занять. А то, что у них хорошо получилось это сделать, так этому стоит у них, скорей, поучиться, чем упрекать их в этом.

За этим и отправил его сюда префект – узнать больше о том, как правильно занимать своё место. Место под Солнцем, а не под землёй. Смело можно сказать, что место под землёй шахтёры заняли основательно... И, как ни странно, но по ощущениям Тихомирова оказалось, что места под Солнцем более чем достаточно.

И это не только сохранившиеся здания, в которых можно занять место, но и, очевидно, производственные мощности, которые можно использовать для снабжения этих мест.

Сейчас, когда Тихомиров спокойно ходил по коридорам базы Кобры и видел с одной стороны изобилие оружия и разнообразного инвентаря, а с другой – периодическое безделье тех людей, которые его окружали, ему казалось, что вообще жизнь людей при наличии чумов, наверно, не слишком-то уж и сильно отличается от того, что было больше века назад. Это шахтёрам досталось и тем, кто работает на производстве чумной империи. А вот у остальных всё совсем по-другому. Похоже, что не только хиви, но и маки живут не так...

Маки вечно прибеднялись. Как что у них ни спроси, а они начинали разговор о том, что чумы их постоянно прессуют, вечно приходится где-то прятаться, постоянно отступать и вообще еле сводить концы с концами. А на самом деле, дальше Бахмута их особенно и не трогает никто. И даже более того, сами чумы и хиви опасаются их возможного нападения и глядят во все глаза, лишь бы не пропустить неожиданный удар.

Про хиви шахтёрам вообще ничего не было известно. И получалось, что всё представление о людях при чумной империи, укладывалось в понятие горстки выживших на предприятиях, которые только и делают, что стремятся сдать производственную норму.

И стоило только Горе чуть отойти от стандартов и получить хоть какую долю самоуправления, так оказалось, что мир куда более многогранный. И уж точно не чёрно-белый, как можно было считать в самом начале.

И всё-таки. Сколько у хиви оружия. И пулемёты, которые

у чумов-то не часто увидишь, и гранатомёты, и даже бронетехника. И всё это выглядит очень свежим... Собственно, в том документе, что они когда-то получили от Шинхра, где некий «Койот» докладывал о том, что имперская армия воюет так себе, похоже не была какой-то выдумкой. И если уж там что и приукрашено, так не слишком уж и сильно.

И ещё интересно, как вообще организовано всё это? Пару часов назад Кобра поехал к Ворону, который у них главный в этой группировке. Но даже эта степень «главности» не означает, что ему все подчиняются. Он, скорее, координирует их. И это видно из того, как Кобра восторгался подчинением всех и вся лично префекту и особенно людьми, способными подрываться по команде вместе с собой. У них тут есть какие-то две гранаты на каждого, и то не всегда работает. А у нас работает всё, и с одной, и по первому разу.

Всё это говорит о том, что система, которую внедряет префект грозит стать куда более жизнеустойчивой к переменам, чем та, что сейчас работает у хиви. С одним лишь изъяном – у них тут уберёшь какого ведущего командира, и заменишь его другим. Можешь потерять в навыках, но не потеряешь систему. А вот у Горы, кроме него никого такого же поставить не получится, как бы ни хотелось... И тут у Тихомирова появилась интересная идея. Идея, как сделать неральное реальным лишь в умах других людей. И хоть и сейчас от этого не было особо толку, но в перспективе, случись что с Горой, то можно будет сбересть всю систему...

Сейчас Гора лично приказы уже почти не отдаёт. Это делает или Тихомиров или Богатый, смотря чего касается приказ. Префект большую часть времени проводит у себя в кабинете и планирует. Ему уже даже некогда проверять что-либо. Его мир становится настолько абстрактным, что и все подчинённые начинают относиться к нему со временем больше как к символу, чем как к конкретному вождю. И хоть иногда бывают моменты, когда он включается в дело лично и показывает свою решимость и стальной характер, таких моментов становится всё меньше и меньше. И всё идёт к тому, что когда-то их вообще не будет. Никто не будет видеть префекта, а будет только выполнять его приказы. Потому и можно представить себе вариант, что случись что с Горой, и дело его не умрёт. Он вечно останется в своём кабинете, чтобы отдавать приказы, которые должны быть выполнены...

И тогда особенное значение будут иметь именно его, Тихомирова подразделения. Охранное, штурмовое и ГБР. И им явно не хватало ещё одного. Враги не всегда бывают явными, воюющие открыто и с оружием в руках. И случай со сменой власти в Отряде-14 явное тому подтверждение. Хмельницкий пропустил мимо себя целый заговор, который сместил его, и странно ещё, что он вообще остался в живых. На шахте таких милостей ждать никто не будет. Там люди слишком привыкли к крови, жестокости и даже беспощадности. Уж слишком долго они наблюдали за методами, которые практиковали чумы. Уж слишком это сидит глубоко в их душе.

А потому проворонить заговор не только для Горы, но и для Тихомирова будет означать фатальную концовку всех достижений.

Нужна собственная контрразведка. Свой СМЕРШ, который будет выявлять загодя способных ударить в спину ножом, который будет делать всё, чтобы система продолжала работать как часы, который возьмёт в свои руки все нити контроля над жизнью на шахтах. Тем более, что скорость, с которой разрастается эта автономия, явно превышает все мыслимые до этого сроки. Раньше все мечтали хоть о какой-то стабильности, теперь мечтают о больших изменениях, способных принести новые территории и предприятия.

Раздался шум какого-то движения со стороны входа: щелчки, стуки об пол, топот. Кобра со своей охраной вернулся из недолгой поездки. Его не было полтора часа, и, судя по всему, ничего путного из этого не вышло.

Увидев Тихомирова, Кобра кивнул ему в сторону своего кабинета, и сам направился туда же. Внутри там уже не было никого, даже девушки, обычно печатающей что-то на машинке.

Кобра перед тем, как присесть на свой генеральский стул, налил чаю себе и вторую кружку Тихомирову:

– Похоже ты был прав насчёт делёжки ресурсов...

Тихомиров уже отхлебнул чая и почувствовал, как тот прогревает ему мозги. Он был достаточно крепок, хоть и нельзя сказать, что горький, как это бывало с тем чаем, что

заваривали себе шахтёры, называя его чифир. Да и готовили его совсем по-другому – варили в кастрюле, а не настаивали в чайнике, как этот.

– Разумеется... Что ж ещё у вас можно делить? Только я думаю всё же этот делёж выглядит несколько по-другому, чем просто «отдай мне это, а я тебе то». – ответил Тихомиров, попивая чай и думая о том, что лучше бы это был шахтёрский чифир, к которому он похоже привык.

– Ты имеешь в виду, что проще менять руку, держащую карты, а не перекидывать эти карты между друг другом?

– Да, вроде того... У тебя завидное, так сказать, место. И ты ещё и обустроил его неплохо... Я больше чем уверен, что помимо этой базы у тебя вдобавок ещё много чего есть. И если это так, то можно много кому не угодить одним своим существованием... И сейчас я бы на твоём месте подумал о том, что когда-то произошло с Хмельницком в его Отряде-14...

– Я так понимаю, что подобными вопросами на шахте ты уже озаботился. – улыбнулся Кобра, ему было явно приятно иметь рядом с собой такого собеседника, умного и неконкурирующего с ним в чём-либо. – Заодно сейчас вместе и посмотреть на кое-что... Новенькое... Пойдём.

Они вышли из кабинета, прошли в дальней конец коридора, потом спустились по лестнице на первый этаж и далее в подвал. Оказалось, что это здоровенная парковка, теперь тоже поделенная на отдельные помещения. Всё также без но-

меров на дверях, представленных в виде алюминиевых заго-
родок. За той, в которую они вошли, находились два челове-
ка, рассматривающие лежащие на полу отрезанные головы
людей. Крови было достаточно, но, по всей видимости, сами
головы отрублены были не здесь, иначе запачкано было бы
не только внутри зала, но и вытекало бы наружу.

Один из осматривавших головы подошёл к Кобре:

– Только двоих опознали...

– Как ожидалось... – ответил Кобра. – Оставьте нас...

Когда двое подручных Кобры вышли он показал на лежа-
щие головы рукой и продолжил:

– Видишь эти головы. Тридцать две точнее... Кто-то пе-
ребил группу Bravo, когда они охраняли подступы к сектору
«Диза» со стороны промышленной трубы, а потом обстре-
лял нас из миномётов. И твой патрон ещё тогда заметил, что
80-миллиметровые миномёты слишком тяжёлое вооружение,
чтобы маки могли его дотащить на такое расстояние... Но
меня больше удивило не это, а то, что кто-то настолько неза-
метно подобрался к группе Bravo, что не было ни единого
выстрела. И за то всё время, что их перебивали тоже... Их
головы нам оставили недалеко от промышленной трубы с
вкопанной рядом палкой, к которой была гвоздями прибита
ещё живая змея. Всё-то оно понятно, что это послание мне.
Мол, двигаться ты ещё можешь, а вот сделать ничего не по-
лучится... Кто-то слишком хорошо всё знал, когда действо-
вал. Слишком тихо, незаметно, уверенно и словно был в кур-

се всего. А потом ещё и отошёл также незаметно... Ещё когда был обстрел, я приказал поменять частоту, а на запасной частоте уже передал соседним подразделениям, чтобы обходили позицию атакующих с обоих флангов... Тут я переключился на старую частоту и услышал оттуда чем-то знакомый голос, который возвестил мне, что все ходы наши они знают, и в клещи взять не удастся... Разумеется, никого мы не взяли, а только нашли заминированные трупы без голов... Что вот ты думаешь об этой истории?

– Очевидно тот, кто перебил группу Bravo знал их лично. Только почему не доложили о том, что видят кого-то, даже если и своих...

– Да. Именно этот вопрос меня больше всего и заботил. И теперь мы знаем на него ответ... Вот видишь эти головы – Кобра ещё раз указал на отрубленные и изуродованные головы людей.

– Ещё как.

– Вот здесь из группы Bravo на самом деле лежат только двое. Остальные изуродованы так, что их нельзя узнать... Но у нас есть свои методы, как это делать. И не все об этих методах знают... Мы измеряем черепа всех бойцов, чтобы потом можно было отличить, если они погибнут. Наиболее вероятно, что хоть в каком-то виде череп сохранится, потому и больше шансов узнать... Тот, кто это сделал, не знал о таком нашем фокусе. И надеялся, что останется неизвестным... Ну почти... Потому что ответ, почему группа Bravo не доложи-

ла о прибытии кого-то заключается в том, что никто и не прибывал. Это группа Bravo меня и обстреляла, предварительно убив тех двоих, кто не захотел в этом участвовать, и заранее подготовив тела, видимо, убитых маки. Вот откуда вся информированность и уверенность у них в действиях. И вот почему так голос был знаком, хоть и пытался его менять. Это был командир группы Bravo...

– Похоже, надо уделять больше внимания собственной безопасности. – на этот раз немного улыбнулся уже Тихомиров. Ему было приятно, что до мыслей о СМЕРШе он додумался сам до того, как услышал эту историю.

Маша

Это очень странное ощущение, когда привыкаешь к тому, что что-то уже не так в твоей жизни. Когда нет кого-то, без кого жизнь вообще не представлялась. Когда раньше этот кто-то заполнял всё место в твоей жизни, а теперь его вообще нет. И это ощущение непрерывной пустоты в месте ранее всё время заполненном, с одной стороны заставляет перестать что-либо чувствовать, а с другой – заставляет иногда смотреть на всё слишком отрешённо. Словно и не было вообще всего этого раньше. Всегда было пусто.

Так Маша начала думать где-то полгода назад. А теперь, когда родился ребёнок. Её ребёнок и Рафаила, у неё появилась новая жизнь. И эта жизнь заполнила былую пустоту. Этот мальчик заполнил эту пустоту. И как ни странно, но он почти всё время спал.

Сейчас ему был почти месяц, а он всё продолжал тихо спать, лишь иногда просыпаясь, чтобы попить материнского молока. Чтобы потом снова спать... И это было очень удивительно, ведь она сама видела, как новорождённые дети кричат по ночам, когда у них режутся зубы, как не дают всем спать, и лишь абсолютная усталость делает своё дело, отрубая ко сну рабочие сомы.

Ей вспомнилось тогда, как Рафаил обнимал её, а где-то рядом кричал ребёнок. Видимо, не только от того, что у него

резались зубы, но и от того, что нечего было есть. Всем ещё хотелось спать, и кто совсем выбился из сил, тот и не слышал даже этого плача, а кто устал не так сильно, продолжал слушать крик малыша, иногда немного ворча об этом.

Рафаил тогда думал над тем, что может ещё не хватать тому, кто только начал смотреть на мир своими глазами и слышать его звуки своими же ушами. Такому маленькому созданию точно не хватало связи движения, видимого глазами, со звуком, который будет коррелироваться со всем этим. Он читал про древнюю игрушку для детей, называемой самой важной среди прочих – погремушку. На следующий день он смастерил такую: небольшой деревянный шарик на палочке и с кусочками каменного угля внутри. При каждом взмахе уголь ударялся о стенки и издавал звук.

Игрушка ребёнку очень понравилась. Теперь он гремел ей полночи, а потом тихо спал. Не сказать, что плач был громче, чем постоянные удары угля о деревяшку, но всем было легче. Все знали, что так ребёнок легче растёт, так ему хотя бы может казаться, что кругом есть что-то, что под его контролем – маленькая погремушка, сделанная рабом.

Маша так мечтала, что когда-нибудь у неё и Рафаила будет свой ребёнок, который также будет греметь подобной игрушкой, вырастая и становясь самостоятельным. Человек должен быть самостоятельным, именно тогда он может ощущать себя живым.

Если бы она тогда подумала, что значат эти слова для её

мужа. Что он не сможет мириться с тем, что их жизнь – это одно сплошное испытание, где нет никакого выбора. Что он захочет изменить это. В том числе и ценой своей жизни. И что из этого выйдет только одно – потеря его для неё. И теперь его сын начинал свою жизнь, даже не увидев своего отца.

Маша думала об этом, и у неё не было точного ответа, как бы она поступила, если бы знала наперёд то, что знает сейчас. Что его больше нет. Смогла бы она уберечь его от этого? Или все её слова были бы пустым звуком для него? Она не знала, ответ на этот вопрос. Она знала только то, что его уже нет в живых. И что его сын когда-нибудь вырастет, и начнёт думать так же как и он. В этом она даже не сомневалась... Только вот каким мир будет, когда он вырастет?

Те сны, которые снились ей последнее время, не давали покоя своей резкостью, вездесущностью. Она ощущала, что сны снятся ей в преддверие изменений, которые ждут всех. И это касалось прежде всего того, что чумы потеряют свою силу, дарованную им Чёрным Камнем... Как именно, она не понимала. И даже не приходило в голову, что такое могут потерять чумы, что используют они сейчас. Что вообще сейчас может давать им их великий реликт? Он открыл им портал на Землю. Он заглушил всё людскую электронику. Но теперь, после завоевания ими человечества, что нужно им из всего того, что даровал им Чёрный Камень? Открыть ещё один портал, чтобы кто-то другой вторгся и завоевал чумов?

Включить электронику, которой уже нет, и нет даже толком людей, способных её полноценно пользоваться?

Маша не видела ответов у этих вопросов. Но само ощущение грядущих изменений казалось настолько же реальным, как восход Солнца каждое утро. Это просто должно было произойти...

Но сон давал это знать однозначно. Теперь снилось одно и то же. Чистое поле без каких бы то ни было армий, как прежде. Никаких гроз и ливней. Только лёгкие облака, загораживающие Солнце, чтобы оно не пекло. И Рафаил такой спокойный, стоящий возле неё. Совсем близко. И смотрящий своими верными умиротворёнными глазами:

– Любимая, ты обязательно узнаешь эту тайну. Но для начала тебе надо дождаться её. Наташу. Без неё эта тайна слишком опасна для тебя. И тебе лучше не узнать её совсем, чем узнать её одной... Дождись её. Дождись Наташу...

Маша просыпалась каждый раз на этом слове, потому что понимала, что её руки и ноги начинали сильно дёргаться – она пыталась во сне дотянуться до него и обнять. Обнять своего любимого мужа, ведь она так соскучилась. Обнять и сказать, что их сын родился здоровым. И спросить у него, какое бы имя он хотел ему дать.

Она хотела сделать всё это, и в этот момент понимала, что спит... Так каждую ночь просыпалась она, ощущая рядом мирно спящего младенца, который теперь кажется заполнил некую в пустоту в ней, всё равно оставив место для Рафаила.

– Как же мне тебя не хватает. – каждый раз вслух шептала Маша. – Как же тебя не хватает каждый день...

Митрополит

Железнодорожный состав церкви, прибывший в сектор «Диза» был не просто роскошен – он упивался этим словом. Даже вагоны рядовых послушников и те, что предназначались для карательной буры «негласного ресурса» – были украшены шёлком, лакированным дубовым деревом и местами позолотой. Гузох мог представить, что такое может быть в вагоне самого митрополита, но увидеть это в помещениях, предназначенных для монахов-бойцов, было уже удивительно.

Ну хоть стало понятней, почему начальник карательной буры Руминхр так просто поверил в историю Гузоха о том, что тому передали в ведение эту буру по личному указанию патриарха, а сомневаться в словах митрополита – недозволено даже в мыслях... Всё это подкреплялось на самом деле ещё и желанием чумов из буры «негласного ресурса» всё же скорей жить, чем умереть в бесполовой перестрелке с эсчекистами.

Послушание-то у них в крови. Вот они и послушались. Митрополита. Хоть и другого. Но это уже не важно. Ответственности на них нет, когда она есть на чуме со столь высоким саном.

Сейчас поезд двигался обратно в сектор «Корса». Гузох хотел на крайний случай отдалить боевое подразделение по-

дальше от пленённого Самоха. Тот и вправду мог устроить резню, дай ему такую возможность. Особенно теперь, когда его скользкие игры на нервах потерпели такой крах.

Перед отправлением, разумеется, убрали перила с крыши митрополичьего вагона, чтобы он никак не отличался от всех остальных. И своим личным распоряжением, Гузох разрешил проходить через покои центрального вагона в обе стороны. И самому спокойней, и расположения их к себе получить – пусть видят, что он не чурается их присутствия, и лишний раз готов только благословить на святое дело, особенно если это дело касалось его личной охраны. Именно так. Теперь эта бура его личной охраны, а не каких-то карательных операций, для которых достаточно сил и у имперской армии, и у СЧК. И пусть они и занимаются этим по его же указу.

Как глупы были те, кто решил, что инквизицию надо проводить руками инквизиторов. Это совсем не их дело. Их дело судить, выносить приговор. А исполнять его могут и другие. И с одной стороны, это и обелит исполнителей от тяжести принятого решения, а с другой – не потратит ни одной капли крови и пота священнослужителей... Гузоху стал прямо противен подход Невроха к пониманию роли святой Церкви в современном мире. Тот хотел собой подменить данность, стать во главе всего и подчинить своей воле всех, включая и Центральный Комитет Империи... Какая несуразная глупость. Какой беспринципный отход от сути святой Церкви, которая предполагает мудрый совет для правителей. Со-

вет, от которого нельзя отказаться. Совет, который даруется словно самим Чёрным Камнем. В противовес тяжёлым словам и приказам, каких хочется добиться нынешний патриарх.

Он не заслуживает того, чтобы быть патриархом. С того самого момента, как перестал понимать важность и преимущество мягкой силы, способной управлять абсолютно разнородными субъектами Империи. Он делает упор на грубую силу, которая, имея разрушительный характер, лишь нанесёт непоправимый урон репутации и влиянию святого престола.

Потому и погрязли они так в роскоши, что слишком думали о прочности и строгости своих убеждений, которые надо расширять на остальные умы. Потому для них материальное стало главным основанием, на котором они стоят слишком зыбко... И не было бы оно зыбко, если бы прочность убеждений держалась на верном выточенном доказательством слове, которое передаётся из уст в уста само. Без какого-либо давления. Когда чумы сами хотят рассказывать друг другу ту правду, которая им нравится, и которую они захотят видеть повсеместно.

«Негласный ресурс» – инструмент затыкать неуёмные рты... А вот мысли-то не заткнёшь. Они так и останутся. И так и будут передаваться как зараза от одного к другому со скоростью быстрее настоящей чумы. И в отличие от настоящей чумы, совершенно не поддающейся лечению.

Достаточно посмотреть на Самоха, и до чего он дошёл.

Открыто провоцировать при свидетелях должностное лицо не просто Империи, а самого СЧК. Плести интриги прям на ходу, в кабинете начальника целого сектора... И удивительно же, что такое и получалось иногда... Хотя не так уж и удивительно, когда узнаётся, что заместитель командира СЧК сектора «Корса» был по факту полноценным членом Церкви, а не СЧК. С такими гнусными методами, и правда можно поверить в собственную непогрешимость... Хотя до чего она доводит... До самоуверенности... Беспечной самоуверенности, которая имеет один ничтожный конец.

Сейчас они проезжали тот участок дороги, который недавно подрывали маки, а потом второпях чинили шахтёры. Их обстреляли, а у хиви произошёл какой-то непонятный конфликт. Вообще эти хиви, конечно, уже совсем оторвались от реальности, той реальности, которая была ещё даже каких-нибудь лет 30 назад, когда они выполняли исключительно охранные функции, а их численность была настолько незначительна, что не было и мысли о том, чтобы формировать из них крупные подразделения. Не то, что теперь, когда они выполняют самую опасную и кровавую работу за имперскую армию и боевые подразделения эсчекистов.

Об это всём Гузох узнал из исповеди пятилетней давности, когда одному из ветеранов СЧК понадобилась помощь в облегчении своей участи перед тем, как отойти в мир иной. Это произошло на одной из конференций по безопасности на оборонных предприятиях. Гузох там был, разумеется, по

делам своих любимых рабочих-чумов. И у одного из докладчиков возникли проблемы с сердцем, похоже случился инфаркт. Он захотел упокоения души и немедленной исповеди, которую ему оказал Гузох, как священнослужитель с наивысшим саном, находящийся рядом.

Эсчекист рассказал ему о сложностях в его аппарате и о том, что ничего самостоятельно не сделал, чтобы спасти истинные устои Империи, которая на глазах прогнивала изнутри и разлагалась как человеческий труп. По его словам, хиви теперь составляли основную боевую силу СЧК, а в некоторых случаях и даже самой имперской армии, быстро приближаясь к ней по численности. Сначала это был эксперимент, но эффект оказался настолько поразительным, что это быстро взяли за практику, и спустя всего несколько лет применения, баланс резко изменился. Командиры имперских министерств постоянно докладывали наверх об успешных операциях по подавлению маки и налаживанию связей между разрозненными частями империи при минимальных потерях. Потери среди людей, разумеется, никого не интересовали, но никто не подумал, что такая практика лишь многократно усилит влияние и роль хиви в жизненно важных процессах империи. В некоторых случаях лидеры хиви сами назначали цену за выполнение заданий, а учитывая расстановку сил, эту цену приходилось платить – имперские чиновники подсади на такое средство решения проблем, словно на наркотик. Точные цифры количества хиви умирающий эсчекист

тогда не назвал, но речь шла о сотнях тысяч бойцов. Всё, что он просил, так это дать ему прощение за преступное бездействие этой раковой опухоли, против которой он ничего не посмел сделать.

И вот Гузох смотрел на окружающие пространство и видел, что люди начинают делать, что хотят. Сами взрывают, сами чинят, сами решают, когда кто пройдёт или не пройдёт мимо. Ведь и он-то попал так быстро на сектор «Диза», потому что префект пропустил его из сектора «Корса» по своему подземному маршруту. Вот оно как, митрополита пропускает человек, управляющий целой группировкой. Управляющий, добывающий, сам развивающий. Всё сам и своими силами. Лишь проплачивая положенную мзду Империи.

Видимо, те, кто занимался подсчётами добычи ресурсов, управления производством и транспортировкой, тоже обращали внимание только на цифры. Которые, очевидно, их устраивали. А чем это могло грозить в будущем, видимо, их не заботило в виду того, что это произойдёт уже не при них.

Похоже, что никого кроме Церкви не волнует, что происходит с балансом чумов и людей в самой Империи. Ведь только Церковь волнует, сколько из ныне живущих верят в Чёрный Камень, а сколько нет. Люди не способны в него верить. Чумы способны. И в этом Церковь видит разницу – остальные нет. Остальные видят лишь разницу в добыче, скорости доставки, потерях при доставке и диверсиях и том, кого за это наградят или накажут. Вот тот смысл, который

должен был бы замечать патриарх. Смысл главного стержня чумного государства. И если бы он это делал, как и все прошлые до него, то уж точно бы не допустил такого разложения ни в имперской армии, ни в СЧК, ни где бы то ни было ещё. А он лишь считал свои циферки влияния так же, как и все остальные...

Империя заслуживает куда лучшего патриарха, чем Неврох. И чем большинство тех, кто был до него. Империя заслуживает жить только в том случае, если будет здорова. А единственное здоровье для неё – это вера в Чёрный Камень. В который вполне могут верить и люди. И префект показал, что это не только возможно, но и необходимо для сохранения Империи.

Префект

Гора был доволен собой. Давно ему не казалось, что он настолько верно рассчитал все ходы. А их было много. И ещё большее количество их вариаций. Уговорить Кобру оставить проход для Самоха и его карательной буры, которой они не преминут воспользоваться. Пропустить Гузоха по подземным путям, чтобы дать возможность ему подчинить себе эту буру. И, разумеется, убедить митрополита в полной верности единственно правильной вере на Земле – вере в Чёрный Камень.

И очень удивительно, но со временем, он начинал осознавать, что понимает язык чумов. Причём разных чумов. Гора был более чем уверен, что чумы разные такие же как и люди, из разных рас, народов, и что он не должен был бы понимать их всех одновременно. Но нет, это происходило именно так. И теперь для него даже не было секретом, почему сами чумы не испытывали с этим проблем – они тоже говорили на одном, видимо, каком-то унифицированном чумном языке.

Как далеко всё это может зайти, пока было не понять, но Гузох не был против расширения автономии Горы на соседние группировки в том случае, если люди, которые подпадут в его подчинение также будут верить в Чёрный Камень.

Со своей стороны не была против этого и Ананхр, если номинальное подчинение секторов других группировок бу-

дет оставлено за СЧК, а хиви будет осуществлять наземное прикрытие этих объектов.

Складывался очень удачный механизм расширения влияния префекта. Отработанный сначала в секторе «Диза», а затем и во всей группировке «Донецк-Макеевка». С точки зрения развития Империи он не должен был чему-то препятствовать, но совершенно очевидно, что такая ситуация не устроит ни верховного жреца Невроха, ни имперскую администрацию в лице Блуха. Но обе проблемы были более чем решаемы.

Собственно в последнее время Гора резко изменил своё отношение вообще к слову «проблема». Теперь для него вообще не существовало этого слова в привычном его понимании. Теперь у него было только слова «вопрос» или «ситуация», которые могли быть важными, срочными, неудобными, опасными, первостепенными, критичными, чрезвычайными. Это всё не проблемы. Это задачи, которые необходимо и совершенно точно можно было решить.

И прокручивая назад некоторые из таких вопросов, как например, попытка Самоха пройти в шахту сектора «Корса», когда человек Горы подорвал вместе с собой лифт, а лестничные проходы путём задымления и периодических прострелов стали недоступными – всё это было лишь заведомо выверенные ходы по определённой уже просчитанной комбинации. Не более того... А раньше он бы посчитал всё это самым настоящим самоубийством...

Власть. Вот, что даёт совершенно иное осознание реальности. И подстраивает эту реальность под себя, а не наоборот. Но сам Гора прекрасно понимал, что не стоит о том, что он прежде всего человек. Способный ошибаться, заблуждаться и быть самоуверенным. Эти три черты вообще были самыми опасными его врагами теперь, а вовсе никакие не чумы, хиви или маки. Теперь, когда его ресурсы и возможности стали исчисляться в единицах совершенно иного порядка нежели раньше, теперь именно эти три врага выдвинулись в своём приоритете. В силу своей незаметности... Их он не мог просчитать. Хотел он того или нет. Но тот же ум, который должен был их просчитывать, сам же являлся объектом их применения.

А нельзя увидеть само себя. Все эти беспочвенные разговоры про зеркало – лишь разговоры. Никакое зеркало не способно отражать тебя так, как тебя видят другие. Потому что в зеркало смотришь ты сам. И Гора прекрасно знал это... Что придёт его время переоценивать свои силы, ошибаться и даже спятить окончательно. И никто не скажет ему об этом. Все будут также выжидать его приказы и доклады об их выполнении. Потому что он уже построил такую систему, где его указ равен закону. А за нарушения закона последует смерть. Он уже построил такую систему, где все окружающие, видящая его без зеркала, будут молчать, если что-то пойдёт не так с ним. Ведь, когда он есть закон, то это означает, что без него закона нет.

Министр

Донхр был очень старым министром и очень опытным. Когда-то у него были такие победы, о которых не каждый и мечтать-то может. Военные победы, карьерные победы и победы его личной жизни. Его жена хотела большего – жизни, которую можно было бы назвать красивой, и она её получила. А для этого Донхру пришлось воровать из казны своего же министерства. Планомерно и нещадно, потому что аппетиты жены росли, а казна больше не становилась. И всё дошло до того, что на бумаге стало нарисовано много больше, чем было на самом деле в реальности.

Разумеется, в какой-то момент об этом стало известно тогдашнему руководителю СЧК, ведающему мерами противодействия коррупции, Закинхру. Он был также планомерен и беспощаден только не к аппетитам своей жены, а к своим аппетитам по карьерному росту, которые были для него куда важней, чем сама коррупция. Поэтому, когда он посчитал, что держащийся на плаву, но в его власти Донхр куда более ему выгоден, чем очередные призы за раскрытие финансовых махинаций, то он без промедлений выбрал первый вариант... И продвинулся по службе благодаря содействию Донхра, ставшего периодически сдавать ему своих бывших подельников.

Закинхр в итоге стал руководителем СЧК Славянской ко-

лонны, в то время как Донхр продолжал оставаться её министром. В какой-то момент это устраивало обоих, но с недавнего времени, Донхр стал понимать, что закапывать себя вечно он не в состоянии. И особенно это стало заметно после того разговора с Блухом, когда последний так резко высказался в адрес своего нынешнего положения и того факта, что куски его влияния так просто утекают у него из-под носа. Да, конечно, это было сказано под хмельком, но нельзя утверждать, что это было неправильно. Нельзя утверждать, что это какая-то спесь зарвавшегося чиновника – это обычный инструмент самосохранения, при котором ты понимаешь, что либо ты двигаешься вверх, получая что-то новое, либо ты теряешь уже приобретённое и идёшь к тому, чтобы в лучшем случае сдать свои полномочия, а в худшем – составить компанию в тюрьме тем, кому ты сам легко помог когда-то туда попасть.

Болотников

«Найди сначала чумов, с которыми ещё можно воевать в секторе «Диза» – эти слова так и маячили в голове майора Болотникова днём и ночью, пока не переросли во что-то более весомое. Он сам уже обдумывал варианты, когда союзник Гора, возглавивший целую группировку и даровавший шахтёрам новые возможности, а, главное, уже облегчил их нынешнюю участь, станет не то что не союзником, а самым опасным врагом. Об этом ему когда-то говорил Шакал, показывая даже некоторое злорадство по этому поводу. Его-то теперь уже и нет в живых, а вот пророчества похоже сбываются, и становятся ещё страшнее, чем ожидалось. Но для этого надо убедиться в этом самому.

Шакал рассказал, что теперь местность вокруг секторов на поверхности охраняют хиви, а раз так, то как минимум на них можно посмотреть. Заодно может и взять кого-то из них, поговорит по душам, как это уже некогда получилось. Может, что новое и выяснится.

Болотников взял лошадь и скакал всю ночь, а затем весь день и окольными путями добрался до Бахмута. Здесь, ему было прекрасно известно, что обитали хиви, держа этот город как узловой – через него шло несколько дорог в разные стороны, и, контролируя его, можно было быть уверенным, что никто не перекинет сколь-нибудь серьёзные подразделе-

ния им во фланг или тыл в какие-то короткие сроки.

Ещё полдня заняло у него время, чтобы тихо обойти этот город и двинуться дальше в сторону «Диза» и, не доезжая примерно километров десять, он устроился на ночлег. На дворе было тепло сейчас даже ночью, а после такого пути силы его были на исходе, поэтому услуг он почти сразу.

Ему снились шахтёры, хиви и маки. В здоровенном тёмном зале. Они перемещались кто-куда, формируя какой-то демонический хоровод с дикой скоростью. Но удивляло, что они абсолютно не сталкиваются при этом друг с другом. И даже не смотря на разную одежду у них у всех: полевую цвета хаки у маки, специализированный «излом» у хиви и чёрно-серую рабочую одежду шахтёров – нельзя было понять, кто из них кто. Так быстро они передвигались. И более того, с течением времени наблюдения становило казаться, что между всеми ними нет никакой разницы, что все они одинаковы. Совершенно одинаковы и даже одеждой, которая размылась настолько, что выглядела словно рваные разноцветные тряпки. Уже не казалось, что это какие-то разные чем-то отличные друг от друга люди. Все они делали одно и то же, кружились по комнате в едином ритме, не сталкивая друг с другом, явно хотели чего-то одного и уж точно совершенно не мешали друг другу. Это даже несколько удивляло – как можно двигаться с такой скоростью, маневрируя между друг другом и на такой скорости, и даже не задевать друг друга. Словно ими управлял кто-то один, заранее рассчитывая

маршрут каждого.

А насколько они сами этого хотели? И хотели ли? И кто этот один, кто всё это контролирует? По-другому быть не может – они не ошибались, они действовали по единому плану, который кто-то разработал. И это точно их всех устраивало.

Болотников попытался пробиться сквозь кого-то, чтобы вытянуть кого-то из них и спросить это, но его тут же оттолкнули, также слаженно все, кто только мог дотянуться. И так, яростно на него посмотрев, продолжили своё движение. Тогда он попробовал докричаться до кого-нибудь, спрашивая, что они делают, зачем это делают и кто ими командует. И тоже безрезультатно: кто-то злобно на него озирался, а большинство просто продолжали делать то, что делают.

Тогда он достал пистолет и стал палить из него в потолок, расстреляв так всю обойму. Это не произвело ни на кого впечатления, и устало свалился на пол. Похоже всех действительно устраивало то, что они делают. Похоже, что его попытки что-то выяснить оказались лишь пустотой в их намного более реальной жизни, чем той, которую хотел для них он... И тут кто-то сильно стукнул рядом с его правым ухом.

Болотников мигом проснулся. Это стучала копытом его лошадь недалеко от него. Она ещё немного фыркала и смотрела на него как-то странно. Видимо, он что-то говорил во сне.

Проспал он весь вечер, и от была уже ночь. Как раз самое время, чтобы осмотреть позиции хиви и выглядет там чу-

мов, если они, конечно, там ещё есть.

Ближайшие десять километров он преодолел достаточно медленно, сам себе говоря, что нужно передвигаться как можно тише, в реальности понимая, что он просто не хочет прямо сейчас увидеть и принять правду. Когда показалась промышленная труба, он слез с лошади и привязал её к ближайшему дереву. Теперь двигаться он стал ещё медленнее и ещё тише.

Сначала должны быть хиви, это ему известно. Они патрулируют территорию сами по себе без чье-либо помощи, вроде чумов из имперской армии или СЧК, которых они очевидно ещё как ненавидят. И прятаться они отлично умеют, как ни странно, куда лучше, чем маки. У них настолько хорошо получалось это делать, что не совсем было понятно, почему они ещё не вычислили всех повстанцев и не перебили по одному?

Может, им это и не очень надо? Правда, что они будут охранять и вообще делать, если не будет маки? Окончательный разгром их точно не устроит... Или он слишком идеализирует их? И вообще их способности... Заодно настало время это всё проверить как следует...

– Слушай, тихонечко... – шепотом сказал кто-то прямо со спины. – Руки вверх-то подними».

Твою ж мать. И как вот это? Шёл исследовать, взять языка, допросить, узнать что-то новое. И вот такое. Прямо на входе взяли как овцу паршивую... Да как профессионально. Не

кричали, а шёпотом и аккуратно. Видно, знают, что у многих есть этот защитный рефлекс при резком крике пытаться убить противника быстрее, чем он тебя. Просто на автомате. Пока ещё есть момент, и захватчик сам не хочет ещё стрелять... И тут шёпотом. Чтоб просто довести скромную информацию о том, что придётся сдаться. Без криков, без шума, без неожиданностей...

Болотников медленно поднял руки, ещё даже надеясь, что это может кто-то из маки даже и других подразделений, кто решил сделать вылазку для новой диверсии:

– Да я свой... Спокойно.

– Свой-свой, конечно... Как же по-другому...

Противник стал аккуратно шагать вокруг него, еле еле перебирая одну ногу за другой, и наконец, показался перед майором. Вида он был достаточно хмурого, маленький, низенький, как-то неровно сложенный и сутуловатенький, но с каким-то очень пронизательными глазами:

– Знакомое какое-то лицо у тебя, штрафник...

– Ну ещё бы... Я ж раньше Шакала охранял. Пока его не начали этапировать...

– Шакала?

– Шакала, да. Который сучила был эсчекистская...

– Да я уж понял, про кого ты... Про него все знают...

– Все хиви знают. Я ж об этом. Говорю же свой.

Сутулый молчал. Уже как-то немного по-другому смотрел на Болотникова. И обмозговывал что-то своё в этот момент:

– Ладно мне про Шакала заливать. Какое подразделение у тебя?

– А у тебя?... Так я тебе и рассказал. – Болотников прекрасно знал залихвацкий норов хиви, и как они даже своим не любили делиться лишней информацией. Кто знает, может всё же примет за своего.

– А пулю схватить не хочешь?

– Все когда-нибудь схватят. Да не все гнидой будут при этом.

Услышав это сутулый вроде немного улыбнулся и даже насколько-то расслабился, но по сути это ничего не значило – свой АК-74 он держал всё также крепко и направленно ровно в середину солнечного сплетения майора:

– Согласен... Ну топай давай вон в ту сторону... Штрафник...

Болотников медленно повернулся в ту сторону и, не опуская рук, поплёлся в указанную сторону. Шансов как-то вырваться из этого похоже не было – его конвоир специально отставал шагов на шесть-семь, чтобы было время на выстрел, как в случае с попыткой убежать, так и в случае с попытки завладеть его оружием.

– Шакал-то ты знаешь, кому стучал? – вдруг возникла у Болотникова идея, как хоть чем-то исправить или хотя бы изменить ситуацию.

Сутулый молчал и лишь изредка дышал в спину.

– Чумам из СЧК он стучал. – слегка повернув голову, и

краем глаза заметив противника, ответил Болотников.

– Что?!

– Да-да, чумам из СЧК... – остановившись и немного повернувшись назад, продолжал майор. – Говорил, выбора нет у него...

– Какого на хуй выбора?! Этим сукам стучать! Ему чё тут, хуёвые харчи были?

– Да он не на харчи жаловался, знаешь ли... А что в дерьмо он вляпался, и хотел хоть как из него вылезти. Каждый же свою шкуру бережёт больше чье-то.

– И чё? СЧК ему типа поможет?

– Ну видишь, не помогли. За зря стучал... Но как-то не сильно он и расстроен был. Даже курить отказался. Говорит – я своё уже прокурил давно...

Сутулый рассмеялся и совсем опустил автомат:

– Да этот гандон мне и прокурил... Мы-то раньше с ним вместе были. Только он наверх пошёл, а я и не думал ничем козырять. Знаешь ли, бравый парень и без погон бравый. И бравее многих ряженных. Не моё это за чинами гоняться. А этот хрен это дело любил... Но когда ещё молоды были, он мне проспорил блок сигарет. А для него это было ой как дорого. Ой как дорого, сука. Ха-ха-ха. Вот он расстроился тогда. И говорит «Всё, бля, больше не курю». Ну типа не на что купить теперь. А потом и вовсе бросил... А тут вон, какой франт, заявляет, что типа своё уже прокурил. Ха-х... Ну, с другой стороны, хоть не совсем это тебя обманул. Вот я-то

надулу его тогда с этим блоком. Ха-ха-ха...

Он так смеялся, складываясь иногда пополам, что невольно подходил ближе и ближе. И в какой-то момент, наконец, показалось, что можно этим воспользоваться. Болотников рванул вперёд и резко вскинул кулак вверх, попав прямым в кадык. Сутулый разом свалился на землю... Это ж надо, и тут Шакал помог...

Болотник связал руки бойца хиви его же ремнём, потом снял шнурки с его берцев, и связал им ноги. Потом осмотрел карманы, и ничего особо интересного или неожиданного: боеприпасы, две гранаты Ф-1, боеприпасы, пистолет Макарова, сигареты и записная книжка, в которой значились долги, видимо, карточные, судя по тому, что там были приписаны бубны, червы, крести, пики, а также названия игр напротив фамилий: козёл, бура, преферанс. Оно и похоже, что Шакал не просто ему проиграл, а профукал на катране, то есть в игре, где шулеры знают друг друга, и играют на то, кто кого лучше обманет. Логично, что после такого поражения, он перестал курить совсем.

И всё же, теперь надо бы посмотреть, что там вблизи сектора. В этот раз майор стал передвигаться куда более осторожно, и несколько раз замечал хиви в укромных местах, аккуратно обходил их и продолжал приближаться к главному административному зданию. Оно становилось всё ближе и ближе. Лунная ночь прекрасно освещала контуры и некоторые силуэты перемещающихся объектов вокруг наибольше-

го строения.

И наконец, он готов уже был наблюдать в бинокль с полной уверенностью, что всё же чумов он там найдёт, как заметил, что тот сломан. С одной стороны он был просто разбит, а с другой, по всей видимости, внутри была деформирована линза, потому что при попытке смотреть выдавалась лишь темнота. Что-то не к добру это. Всё началось как-то не к добру, ещё когда его взял в плен на пару минут тот сутулый. Приближаться ближе прямо сейчас опасно – он будет виден как на ладони, когда будет только приближаться к сетчатому забору, огораживающему территорию сектора от всего остального. А ещё же назад надо как-то. И всё это ради чего? Чтоб просто посмотреть? Нет, слишком рискованно.

Болотников ещё немного посмотрел на силуэты вдаль, попробовал распознать в них чумов, а не людей, более склоняясь к тому, что всё же это именно чумы. И двинулся обратно. По крайней мере, там есть ещё связанный сутулый, который ещё может что-то рассказать. Уж как минимум про чумов что-то он знать должен – они там ещё сидят в администрации вместе с Ананхр или уже там только люди во главе с Горой.

Хотя, конечно, стоит признать, что Зубрилов уже в чём-то прав. Ведь сейчас он встретил прежде всего хиви, а не чумов. И даже если они охраняют только внешний периметр, то это не отменяет того, что люди во всём этом уже замешаны. Хиви прикрывают префекта. Уже это – факт. И их кругом

тут более чем достаточно. Далее вопрос только в тех оборотах, которые будут набирать их отношения друг с другом... Те две роты, которые были здесь и устраивали засады на железнодорожные составы устранили тоже явно хиви. И то, с какой скоростью они это сделали, вполне возможно говорит о том, что Гора им чем-то помог... Он уже не в союзе с нами. Он в лучшем случае играет какую-то свою партию, а в худшем – на самом деле является частью чумной империи, не собираясь что-то с этим делать по той причине, что его уже всё устраивает. Вот два варианта, и один круче другого...

Болотников в таких раздумьях наконец дошёл до места, где всего минут 30 назад оставил связанного сутулого. Или ему казалось, что это то место? Да нет вроде всё так, и даже вон шнурок валяется вроде... Он подошёл поближе, наклонился и там правда оказался длинный шнурок от берца...

– На тебе, блять, туза бубнового... – послышалось сзади, и майор тут же потерял сознание.

– Штрафной майор Болотников... – послышалось откуда-то издалека, и повстанец открыл глаза. Он ощутил холодную сталь на кистях, и то, что прикован к стене с затянутыми за спину руками. Помещение было достаточно тёмным, но спереди него хорошего виднелись двое.

– Вон видишь, очухался сразу. – сказал говоривший только что стоявшему рядом с ним уже знакомому сутулому.

– Куда дел мою записную книжку с долгами? – спросил

сразу сутулый.

Болотников проморгался и честно попытался вспомнить в какую сторону он её отбросил после того как посмотрел, но не получилось:

– Не помню. Выкинул куда-то.

– Куда-то, блять... – сутулый проворчался, но было даже несколько странновато, что он не так сильно расстроился, как это предполагалось при такой потере. – Тебе вот она зачем вообще? Ну посмотрел – увидел, что ничего интересного, так и положил бы обратно... Или ты свои долги там увидел?

– Мои долги не здесь... – как-то грустно ответил майор.

– Да это мы и без тебя знаем... Ладно, запиздились мы что-то... – сказал первый, и, видимо, главный из них. – Говори, зачем пришёл к нам? Хотел убить кого? Взорвать чего? А чем? Кто ещё в курсе, что ты здесь? Откуда ты?

– Да чумов я пришёл увидеть, вот зачем я здесь.

– Чумов? Ну убить кого хотел. Ананхр?

– Да нет... Не убить. Посмотрел хотеть на чумов...

Двое хиви немного рассмеялись.

– О вкусах-то не спорят. – сказал сутулый своему командиру.

– Ну? Посмотрел? – спросил главный.

– Не знаю. Далеко было... Я хотел увидеть, что они охраняют здесь хоть что-то. А не одни хиви... Нам обидно думать, что Гора больше не наш союзник, а союзник хиви. И

чем больше чумов бы я увидел, тем меньше бы сомнений было насчёт Горы... А чумов-то как раз я и не видел...

Болотников стал понимать Шакала, которого допрашивал его сам. Тот держался совсем по-другому, нежели он сейчас. Тот держался как-то твёрдо, уверенно, ни о чём не жалея. Хоть и сам рассказывал по сути, что знал, но делал это как-то не страшась ничего. А вот ему сейчас было очень неловко, что он даже не под пыткой всё так вот рассказывает... Но не делать так у него как-то не получалось. Он уже не до конца ощущал себя как маки. Мало того, что сам штрафной, так ведь и те маки, которые не штрафники, уже в большинстве случаев никакие ему не друзья... Да, с другой стороны, а что ему скрывать? Боевых данных у него давно никаких нет, планов и ориентиров командования маки тоже. Про то, что Отряд 14 сейчас в большем своём составе находится в Северодонецке, видимо, уже месяца как два ни для кого не секрет. Так что ему скрывать? Уже учитывая, что они тут все так легко его узнают, включая факт «штрафника», так это, скорей, они ему могут что-то новое рассказать, а не он им...

– Так расстроился значит... Это всё, зачем ты сюда приходил? – спросил главный.

– В общем, да... Может, языка думал взять и допросить... Ну не очень получилось...

– Да, не очень... Я бы тебя отметелил бы, знаешь, за просто так... Уж то, что ты никуя не знаешь, так это у тебя на лбу написано. Не говоря про то, что вообще могут там у вас

доверить штрафным... Но вот с тобой кое-кто сейчас хочет поговорить, и этот кто-то не любит, когда пытаются без причины... Вот он команду даст, так и за дело. А пока ни-ни. – главный пару раз отрицательно помахал указательным пальцем из стороны в сторону и закончил свою тираду, видимо, потому что издали услышал звук шагов, которые теперь услышал и Болотников.

Через минуту появился тот, кого они так ждали. Разумеется, с охраной. Это был очень хитрого вида офицер без погон с бритой налысо головой. В глазах виднелся определённо весьма высокий интеллект, и когда он смотрел на майора, то складывалось впечатление, что он просвечивает его насквозь.

– Тут говорят, ты Шакала допрашивал, товарищ Болотников. – подойдя поближе сказал лысый.

– Допрашивал... Мы устроили засаду, когда его перевозили... Его живым взяли. Перед тем, как передать его дальше, я с ним сам поговорил.

– Ты тогда уже был штрафником?

– Был.

– И как он себя вёл на это твоём допросе? – лысый слегка улыбнулся, и было видно, что он хорошо понимает все чувства Болотникова, и как тот может в этот момент сравнивать себя с Шакалом.

– Достоинно. И немного пренебрежительно... Он сам отвечал на все вопросы... Почти как я сейчас...

Лысый, очевидно, очень хорошо уловил это лишнее слово «почти»:

– «Почти» как ты сейчас... Так и в чём заключается это «почти»?

– Ему было всё равно. И мне сейчас всё равно. Но он как-то злорадствовал, что рассказывает мне то, что я побоюсь узнать. А у меня сейчас нет этого понимания...

– Так и что он тебе такого рассказал?

– Он сказал, что стучал СЧК. Что мир намного более многогранен, видимо, намекая на то, что хоть и был хиви, но не за одних хиви впрягался. И ещё, что влияние Горы будет расти настолько быстро, что маки ему будут не нужны, что они будут только мешать, и что со временем именно он станет нашей главной угрозой...

Лысый разок отрицательно мотнул головой, посмотрел чуть в сторону и слегка улыбнулся, затем немного почёсывая пальцами свою бровь, сказал:

– Мда, жаль не хватает Шакала... Сейчас бы его мозги оченьгодились... Так что ты сам думаешь об этом, майор? Будет Гора вам главной угрозой?

– Думаю, нет. Не будет. – спокойно ответил Болотников и сразу продолжил. – Думаю он уж является для нас самой главной угрозой.

Лысый опять чуть улыбнулся:

– А как там ваш главком поживает?

– Эта гнида лучше всех поживает... Лучше меня же знае-

те. Раз знаете, что я штрафник, так и про него отлично знаете...

– Ну, не буду скрывать. Мы немного ему помогли занять это место... Ну так, самую малость... Всю дорогу, как я понимаю, он себе сам сделал. Дорогу на трон этот ваш вшивенький... Уж слишком у вас там мягкотел был этот Хмельницкий. Такой прям добрый дедушка. Никого почём зря не повесит, неугодных на верную смерть не отправит, из котлов при любой возможности вытаскивает. Это прям удивительно, как это он с такими качествами, да так долго продержался... Вон какой феномен. У нас-то его бы с дерьмом смешали как нечего делать... Был у него секрет какой? У Хмельницкого? Что он такими легковесными методами, да так долго продержался?

– Был. Один... Бойцы – братья для него были, а не а бы кто...

– Ну, выходит, не все такие братья...

– Ну как сказать... Братья-то все. Да вот в семье не без урода. Вот и нашёлся один...

– Так уж и один. – лысый улыбнулся. – И сделал бы он что-то, если б был один?

– Я больше чем уверен, что без него бы остальные бы не посмели. Без него бы Хмельницкий и сейчас был главкомом...

– Ну это нам не очень выгодно... Ну ладно, это допустим понятно... А про Гору что мне расскажешь? Что он вам пи-

шет? Что спрашивает? Что хочет?

– Был один момент... Он нам информатора сдал... А вышло, что это не тот вовсе... Он писал, что это однозначно, что больше никто не подходит. А оказалось, что не тот... Мы так и не поняли, ошибка это или специально... Но я думаю, что это специально.

– Так и на кого указал господин префект?

– На Раньерова.

– А взяли вы кого?

– Листьева. Гришу Листьева... Но мы его не взяли – он застрелился.

– А Раньеров стало быть, не предатель?

– Нет... Предатель был Листьев.

Лысый снова улыбнулся, такой очень довольной и долгой улыбкой, а потом медленно сказал:

– Пойми уж, наконец, штрафной майор Болотников... И Зубков-то уж должен был тебя этому научить... Что предателей много не бывает...

Наёмник

Кобра смотрел на Болотникова и видел перед собой побитую собаку. Ту собаку, которая не то чтобы потеряла хозяйна, а которую этот самый хозяин выгнал пинками на улицу. И собака осталась сразу и без хозяина, и без дома, и без бывшего счастья, которое у неё было при обладании всем этим. А главное, что так же ведь и не бывает, чтобы прожив столько лет вместе, хозяин вдруг взял, да выгнал её. Бывает, что выгоняют, но это прям сразу, через месяц-два, когда видят, что это не то, что они ожидали. А чтобы так, когда прожили вместе много лет, и вот выгнать – это так не бывает... Но это так не бывает с собакой, а вот с Болотниковым вполне сработало – в том и отличие его было.

– Я даже начинаю становиться довольным, что ушёл оттуда и не вернулся. – сказал Болотников. Смотрел он уже только в пол, грустными поникшими глазами и изредка улыбался сам себе, чуть мотая головой.

– И правда, чего тебе там делать? – продолжил за него Кобра. – Вон кругом сколько всего интересного. А ты привязался, понимаешь, к этим маки как банный лист к жопе... Собственно, какая подходящая метафора подвернулась.

Сутулый со своим командиром немного посмеялись, а охрана Кобры даже глазом не моргнула – там были такие люди, которые уже не улыбаются, не расстраивались, а лишь

всегда были начеку.

– Ну взять-то с тебя нечего. Всё, что ты там знаешь, давно мхом покрылось, а летописи тут знаешь ли никто не пишет... Своим ты не нужен – никакие выкупы за тебя платить никто не будет... Так вот скажи мне, майор, какой в тебе есть ещё толк?

– Да никакого. Уж после того, как Зубрилов стал главкомом совсем никакого. Я только мешал ему... Пару раз пытался в расход пустить, но не получилось... Ну это, понятно всё, что дело времени... Он бы мне, конечно, предложил бы всепрощение, если б я отказался от Хмельницкого или, может, ещё что-то вроде того сделал. Но он даже не предлагал. Знал, что нахуй мне такая жизнь не нужна... Так что давай уж, товарищ командир хиви, мне свою пулю в лоб, если не жалко пули... Если жалко, так повесьте. Веревку я себе сам заматаю, если руки развяжите...

– Какая у тебя безысходность, майор. Прямо отчаяние... – Кобра давно уже учуял, что можно использовать как козырь против этого человека, чтобы заставить его играть по своим правилам. – Ну пули-то мне для тебя не жалко... Это проблем нет. Но ты мне сначала скажи, ради чего бы ты ещё мог жить, если была возможность?

– Да идеалы одни несбыточные. Нереальные даже... Свобода людей. А где она может быть-то вообще эта свобода? Даже маки вон и те воюют по сути друг с другом... Я видел, как делят эту власть, уж даже, когда этой власти и не так

много. А всё равно делят... И не смотрят на то, какие у кого цели. Какие у кого возможности, чтобы чего-то достичь. Ничего подобного. Просто делят власть... И таким людям, как Хмельницкий, который всё отдавал за людей: свою здорье, все силы, даже пост свой отдал со всеми полномочиями, чтобы сохранить одному мне жизнь, когда увидел, что это единственная возможность... Таким людям не место во власти, потому что они правда хотят и сделают что-то хорошее, стоящее для всех остальных... Ты ж ведь сам мне сказал. И правильно сказал. Что у вас бы его давно с дерьмом смешали. Потому что не зверь и не гнида циничная. Потому бы и съели... Вот она правда жизни, которую я в итоге узнал. Не хотел всё верить в неё. Думал, что у нас такого не будет. Что Хмельницкий всех объединяет единым духом. Что потому мы можем победить... А получил вот это вот: прикладом в затылок, штрафной шеврон и своего командира подвёл... Нахуй такая жизнь, где даже в случае нашей какой-то там победы, править нами всё равно будут одни подонки вроде Зубкова...

– Стало быть, если б мы тебя сейчас не поймали, ты бы через день другой сам бы повесился?

– Да ну почти. Нарвался бы на пулю и всё...

– А. Ну хорошо... Это хорошо... Но можно ж свою жизнь и поинтересней потратить, раз уж она так не нужна. На дело так сказать.

– Что? Убить Зубкова?

– Нет-нет, что ты. Это как раз не надо... Он нам совершенно не мешает. Зачем его убивать? Ну вот чумов бы, например, ты мог пострелять побольше. Освободить кого из очередной шахты. Не все ж они у Горы... Вот бы сделал доброе дело. Или ты уже не считаешь, что освобождение рабов из оков в любом случае доброе дело?

Болотников задумался и, казалось, что немного успокоился:

– Да нет, считаю... При любом раскладе это доброе дело...

– Так может не время ещё вешаться?

– Может, и не время... Так и что, ты отпустишь меня, чтоб я побежал один на один освобождать шахтёров в какой-нибудь сектор?

– Не совсем... Ты подумай пока сам, что готов делать и зачем. А потом поговорим.

Кобра увидел изменение во взгляде Болотникова, и что ему нужно время, что осознать свою ближайшее будущее, планы, варианты. Словом всё, что только может быть связано с его собственным пониманием смысла жизни. По крайней мере, той, что у него осталась... Сейчас он обдумаем. У него возникнут интересные мысли, которые очень захочется реализовать. И тогда его не надо будет уговаривать. Тогда он сам будет проситься всё это сделать.

– Отведите его в камеру. Еды, воды. Чтобы не жаловался на жизнь. – скомандовал подчинённым Кобра и удалил.

В своё кабинете Кобра как всегда пил чай. Сейчас он был крепче, чем обычно, хоть и всё равно не доходил даже до купчика. Эта крепость немного напоминала ему Шакала, того самого пожилого Шакала, которого не так давно перехватили маки, перед как его доставили к месту казни.

Он знал его очень давно. Шакал был старше его на 17 лет и многому его научил. Обдумывать шаги, взвешивать решения других людей, а не только свои. И, что самое важно – учиться на ошибках, причём не своих, а чужих. «Только дураки учатся на своих ошибках. Умные люди учатся на чужих». Так он тогда говорил. И эти слова Кобра вспоминал множество раз, когда, руководствуясь этим правилом, получал себе чужой опыт и со временем стал одним из ведущих командиров хиви Славянской колонны. Несколько раз он помогал Шакалу, когда у того появлялись проблемы с другими военачальниками. Уж слишком тот любил накалывать в карты, причём в самые разные. Его-то самого натаскал совсем древний Пёс, которому он по молодости проспорил блок сигарет и на том бросил курить.

Было даже оригинально, что чему-то научил Пёс Шакала, и Шакал пошёл дальше по служебной лестницу. Чему-то научил Шакал Кобру, и Кобра взобрался ещё выше. И при этой расстановке карьерных достижений, чем моложе был участник, тем выше он взобрался, а чем старше был участник, тем меньше он хотел.

И всё же. Что за мысли такие полезли ему в голову, что он решил зачем-то стучать в СЧК. И о чём он туда стучал? Только Ворон остался в курсе этого и, разумеется, не распространялся всем остальным. При этом, видимо, не опасаясь, что тот кому-то ещё расскажет, а лишь будет довольствоваться своей быстрой казнью. Но вопрос при этом оставался – что случилось в голове у Шакала, что он решился на такое?

Похоже на то, что у него случилось нечто подобное тому, что произошло в голове Болотникова. Какие-то идеалы умерли, причём достаточно резко. Под этим и может подразумеваться та «многогранность», про которую он сказал.

Власти ему особенно было не надо – место командира батальона его вполне устраивало. Позиции, на которых находились его бойцы, тоже ничем особенным не отличались. Поэтому причины, видимо, кроются в чём-то внешнем, в ком-то внешнем, кто что-то захотел от него. И вполне возможно, что это та же самая история, которая сейчас происходила с ним самим... Кто-то, может, решил поменять руку, держащие карты Шакала?

Сейчас батальон Шакала полностью влит в армию Ворона. Это было понятно, и на это никто не претендовал. Подумать о том, что сам Ворон мог затеять что-то, чтобы присвоить себе лично ещё одно подразделение – вряд ли. Слишком высока могла быть цена за такую мелочь. У Ворона 5 дивизий, и один лишний батальон, пусть даже весьма неплохо обученный, ему принципиально погоды не сделает. А вот, если бы

не выгорело, то окажись он виноватым, и последствия могли бы быть серьёзными – как-никак, а отбирать у своих никому не позволено.

Стало быть, может, дело в каких-то связях Шакала среди маки или шахтёров. Кто-то, кто оказался в тех рядах, но всё же был дорог для него. Может, поэтому пришлось стучать в СЧК? Нет. Совсем не вариант. Даже предполагать про него такое глупо. Но это не отменяет того, что именно от СЧК ему было что-то нужно... Или от того, кто конкурирует с СЧК.

Шакал всегда думал стратегически, наперёд, намного вперёд. И его действия вполне могли иметь под собой что-то далеко идущее. А это, скорее значит, что его волновал какой-то баланс сил, который он стремился изменить... Слишком мало вводных. Для того, чтобы понять причины его действий, нужно ещё покопаться в СЧК, и в том, что со стороны хиви можно знать...

В кабинет зашёл Тарантул. Его глаза были всё теми, что раньше – уверенными, выдержанными, но в них виднелся какой-то новый огонёк. Очевидно, новых идей и свершений, которые он готовился осуществить на своём поприще.

– Чайку, сеньор Тарантул? – спросил Кобра.

– Чайку, сеньор Кобра. – ответил Тарантул.

Кобра допил свою кружку, поднялся, налил себе и в ещё одну кружку чая почти до краёв и отнёс Тарантулу:

– Дорогому гостю из хозяйских рук.

Затем снова уселся на свой командирский стул в президи-

уме и, взглянув в потолок продолжил:

– А что наш дорогой гость скажет про дальнейшие планы своего патрона сейчас?

– Укрепляться, расширяться. Всё, как и было.

– У меня-то вот возникла идея, как можно действительно расширяться... Новыми секторами. Твоему патрону всё, что под землёй. А мне – на её поверхности. Как думаешь, по душе ему будет такой расклад?

– По душе. Само собой.

Кобра развернул карту, на которой было множество пометок разного рода: треугольники, квадраты, кружки, жирные точки, крестики, линии.

– Вот тебе вкратце. Рядом группировка Екатеринослав-Кременчуг, в которой у твоего патрона влияния нет. Но там по факту 5 секторов, в том числе 3 шахты и 2 подземных металлургических завода. И охраняют их не сказать что сильно... Вот если бы маки захватили, например, парочки из них, то мы могли бы их отвоевать обратно. И я не сомневаюсь, что учитывая нынешнее противостояние между СЧК и Инквизицией, у первых будут все шансы для того, чтобы закрепить эти территории в качестве автономий за собой, назначив внутреннее управление твоему патрону, который, как я слышал на днях тут принял веру в Чёрный Камень и, так сказал, крестил там всех шахтёров...

– Это правда. Он действительно обратил всех шахтёров в чумную веру... Номинально.

– Вот это мне и правда интересно... Как у него такое выходит? Мы знаешь ли тут давно с кучей прав и полномочий. Практически наравне с чумами, а последнее время где-то и превосходим их, когда дело касается серьёзных столкновений с маки, но нам такое в голову не приходило. А он-то по сути побратался с чумами. Хоть и не чум, но уже как свой для них. И меня больше даже удивляет, как сами чумы в этом не отказали.

Тарантул слегка усмехнулся, отхлебнул немного чая и ответил:

– Достаточно всего одного чума для этого. Всего одного правильного чума. А уж это если это митрополит, то его точно будет достаточно... Мой патрон прекрасно разбирается в людях. И в чумах... Ты, наверно, заметил...

– Ну как уж тут не заметить... – развёл руками Кобра.

– И тот митрополит, который был у нас в гостях недавно... Не тот, который остался в этих самых гостях. А тот, который был. Гузох. Так вот, он так был расстроен в том, что вера чумов загибается. Что её будущее под угрозой. Что чумы перестали верить в Чёрный Камень. Что они не понимают, какую силу он им даёт... И что всё надо менять... Вот мой патрон очень хорошо подстроился под это «надо менять», и предложил свой вариант. Увеличить количество адептов, при том весьма верных, за счёт шахтёров. От такого Гузох не смог отказаться. Ведь в первую очередь, это его, условно говоря, «прихожане»...

– Интересно-интересно... Может, нам тоже такое попрактиковать...

– Вступай в наш клуб. Правда, знаешь ли, вам такое скорее в минус. Они там эти недели покаяния практикуют. У нас-то народ друг на друга не стучит, а вот у вас, учитывая последние новости с группой «Браво»...

– Да, желающие найдутся. – усмехнулся Кобра. – А ништяков не прибавится... Кстати, насчёт Чёрного Камня. А что он сейчас-то даёт чумам? Я так спрашиваю всех периодически, и никто что-то не знает. Все только в курсе про то, что он давал раньше. А сейчас? Сейчас выходит, что никто не знает.

– Я тебе даже больше скажу – сами чумы не знают. И сами друг у друга об этом спрашивают. И никто не знает. Вот откуда такие проблемы начались у церковников, и вот откуда растут ноги всего этого конфликта с СЧК. Чумы не видят в Чёрном Камне ничего мистического, а значит и Церковь – пустое место, и бояться её не надо. Вот почему они так стали жестить с этой инквизицией и появились чумы вроде Самоха, который сжигает своих же на кострах за лишнее слово, вылетевшие не вовремя.

– Слышал эту историю. – усмехнулся Кобра. – Жаль без подробностей. Хотя, впрочем, смысл понятен... А ты дело говоришь, сеньор Тарантул. Выходит, тебе кажется удачной идея с захватом пары секторов с последующим вовлечением в это СЧК.

– Не совсем. Скорее, лучше, подойти к этому вопросу при помощи Гузоха. Чтоб эта шахта тоже приняла чумную веру, и стала очередными «прихожанами» у него. А для этого надо, чтоб он там оказался, что уже сложнее.

– То есть факт того, что надо захватить даже не один сектор, а два тебя не смущает? – ехидно улыбнулся Кобра.

– Я сам давно думаю об этом. В таком деле, знаешь ли, аппетиты только растут... Поэтому нет. Не смущает.

– Ну ты меня удивил... – слегка помотал головой Кобра. – Прямо начинаешь думать, как мы... Я-то думал, мне сейчас тебя убеждать придётся. А ты скажешь, что маки там далеко, и как они нападут. И я тебе предложу, что никаких маки там и не будет, а нападёте Вы при нашей-то помощи... А ты мне говоришь, что и сам уже обо всём этом думал...

– Нам нужно знать их позиции и силы. Плюс от вас прикрытие по флангам. Остальное мы сделаем.

Кобра удивлённо и утвердительно покачал головой:

– Лихо... Лихо... То есть вам даже оружие не нужно?

– Оружие лишним не будет. Но только твоим оружием некогда учиться пользоваться. А делать вид, что мы его используем не вариант. Потому, если что можешь предложить, так мы только рады.

– Разумеется. Хе-хе. – Кобра выпил остававшийся в кружке чай. – Предложу я Вам 80-миллиметровые миномёты, которыми нас недавно обстреляла моя же группа «Браво», у меня этого оружия хватает... Пусть на них и подумают, раз

уж они так любят косить под маки...

Верховный жрец

Неврох стоял и смотрел на то место, которое он недавно опалил керосиновой лампой в помещении алтаря. Ковры поменяли почти сразу заодно с катапетасмой, которая тоже сгорела. Поменяли и постамент для свечей и для ламп, потому что прошлые слегка оплавилась от пламени. И столько нового ладана развеяли в этом помещении, что уже ничего не могло напоминать о том, что здесь было пару дней назад... Но Неврох всё видел таким, каким он оставил, когда уходил: ковёр полыхал, кругом дымило, а позолоченные места постаментов начинали плавиться.

– Ничто не проходит бесследно. – тихо, но вслух сказал патриарх. – Ни отмыть, ни поменить, ни перестроить. Всё оставляет свой след. И этот след сохраняется вечно... Потому все так стараются самостоятельно на что-то закрывать глаза, чтобы просто это не видеть...

Он думал о том, что слишком много закрывал глаза на те ленивые, полные насмешки взгляды со стороны эсчекистов и имперской администрации. Слишком легкомысленно относился к тому, что думают о нём и о святой Церкви. Слишком уж считал это всё незначительным. Пустым. Никчёмным. Не заслуживающим его внимания. И времени...

Того времени, которого у него как раз сейчас нет. Когда СЧК делает всё, что хочет с его подчинёнными. С адептами

святой веры. С Самохом... Как это могло произойти? Митрополит в заключении?!

Сначала жрец Долонох, теперь митрополит Самох. А следующий он будет? И какое там будет обоснование? Разжигатель ненависти? Ну, конечно. Разжигатель-поджигатель. Вон и храм чуть не спалил. Как тут не отправить в заключение. А там и в госизмене можно обвинить. Как они это любят. А что «они»? Мы же сами так любим... Начнём процесс над кем-то. Сначала он у нас свидетель. А потом глядишь – уже обвиняемый... Ничем мы тут не отличаемся. Только вот мы за нашу святую веру, а они за себя. Самих себя. Какими бы они ни были...

Последнее прям остановилось в мозгу у Невроха. И правда, какая интересная разница. Какими бы они ни были... Это ведь мы, священнослужители всегда хотим быть хорошими, а эсчекистам это не важно. Хорошие-плохие – все одинаковые. Есть разница только в успешности свой карьеры. Вот откуда берётся наше поражение перед ними. Мы хотим ещё и выглядеть хорошими, а они и не против признать нас таковыми, заключая при этом в темницу, как в случае с Самохом. Ему до сих пор не предъявляли никаких обвинений. Лишь заявили, что он находится под охраной по делу особой государственной важности...

Интересная она «важность» – содержать под стражей митрополита. И это при том, что его сопровождала бура негласного ресурса. Она куда делась? Тоже под охраной? Можно

всякое говорить и думать про их нрав... Там и алкоголики бывали, чего уж. Но они прекрасно знают, что за неподчинение приказу или предательство дорога у них одна, и тут без вариантов. Их никто не спасёт, и деваться им некуда... Так и куда они делись тогда?

Тут не помешал бы другой митрополит, чтоб хотя бы узнать, что там происходит, и насколько всё плохо. Такой, которого не жалко бы и потерять в случае чего. И тут бы прекрасно пригодился старикан Гузох. Но от него, как назло, нет вестей с момента его посещения сектора «Крито», да и то эти вести тогда передал, собственно, не он, а Самох...

Странно всё пошло с ним. Гузох не казался каким-то врагом в силу своей беспомощности. Он слишком долго очень прилежно и добросовестно относился к своим обязанностям. Такие ведь руководству не нужны. Нужны преданные тебе лично, а не какому-то делу. И как странно, что с таким-то опытом, Гузох не понимал таких элементарных вещей. А ведь мог быть очень влиятельным... И все те последние проблемы, которые ему чинили были связаны лишь с желанием поменять его на более лояльного, а самого отправить на отдых. Никто не желал ему какого-то отлучения или тем более смерти. Всего лишь отдых, чтоб не мешал, не занимал нужное патриарху место. В конце концов, митрополитов всего шесть, и надо понимать, что раз уж занимаешь такое место, то придётся соответствовать. Иметь необходимый уровень лояльности, уж не говоря про то, чтобы как по-

лагается следовать политике патриарха.

На своё давнее знакомство он что ли надеялся? Или на то, что помог стать патриархом? Да кто ж это помнит, находясь на самом верху. Когда меняются все приоритеты. Когда понимаешь, что проблем кругом намного больше, чем возможностей их решить. Кто ж помнит о прошлых заслугах, когда земля горит под ногами в настоящем времени?

И при всём при этом пока поменять Гузоха не получалось. Старикан как-то надёжно уцепился за своё место, да тут ещё и оказалось, что некоторые жрецы с ним солидарны. Разделяют его взгляды на служение святой вере и даже на отношение к Чёрному Камню не просто как к символу веры, а как субъекту веры... Вот это уже прям удивляло. Откуда берётся столько идиотов. В семинарии их ведь учили другим промывать мозги, а не себе! Или с возрастом они перестали видеть разницу?

Да ведь даже и Долонох был в чём-то солидарен с Гузохом. Тот самый Долонох, который теперь гниёт в следственном изоляторе СЧК по обвинению в госизмене. Как они-то друг с другом могут быть связаны? Долонох всегда был предан лично патриарху, а уже потом святой Церкви. И служение патриарху полагал первостепенным, а второстепенным – служение в храме в Чум-бату. Так и куда это делось?

Вот оно. Откуда берутся все эти проблемы с СЧК. Из Церкви они берутся. У них там в СЧК снизу доверху исполняют приказы, кто бы что ни думал. А у нас в Церкви, дума-

ют все одинаково, а делают все – кто-что хочет. И это ещё называется патриархатом. Девичьими соплями это называть надо, а не патриархатом...

Невроху стало не по себе. От той ненависти, что была у него при прошлом посещении этого храма не осталось ничего. Одно большое разочарование. И даже не в том, что окружало его, а в себе самом. Что не видел своей собственной слабости тогда, когда ещё можно было диктовать условия. Теперь можно было только признать потери, пока они не стали фатальными.

Тут он вспомнил свои прошлые предостережения. Ещё не так давно, когда он лично говорил с митрополитом Самохом, то сам же предупреждал его о том, что есть человек в группировке «Донецк-Макеевка», который представляет для них серьёзную угрозу. Что эту угрозу нельзя не чувствовать, так как опасней её сейчас нет. И что он сделал, чтоб устранить её, раз считал такой важной?

Неврох помнил, что какое-то решение у него было, но оно точно вылетело из головы. Всё из-за этих перипетий с СЧК, которые и Самоха-то угробили. А так ли они одни смогли это сделать? Должен же быть ответ, что случилось с бурой негласного ресурса... И тут он вспомнил – да, ещё месяц назад он отправил своего киллера из людей. Того, кто сможет убить префекта, и закончить все эти эксперименты с самоуправлением людей.

Шеф СЧК

– Он жаловался на что-то? – спросил Закинхр. – Что-то требовал?

– Он говорит только о том, что ему необходимо проводить службы во имя Чёрного Камня и успеть на консилиум святой Церкви в Чум-бату. – ответил помощник.

Когда Закинхр впервые узнал о том, что митрополит Самох провалил всё, что только можно, включая свою буру негласного ресурса, он взобрался на свой письменный стол и танцевал от радости несколько минут, прыгая по разного рода документам, пишущим предметам и канцелярским принадлежностям. Потом, когда он немного успокоился, то велел докладывать ему о текущей обстановке с поведением митрополита каждый день по два раза – утром и вечером, а недавно ему пришла в голову и вовсе поразительная идея, о которой он пока никому не рассказывал.

– А когда, он говорит, состоится этот консилиум?

– Через две недели. И говорит, что его надо отпустить немедленно, иначе он не успеет доехать и подготовиться. А потом он готов явиться в центральное управление СЧК в Чум-бату.

– Ух какой. Прямо и вернуться готов... Как быстро норов поменял, когда посидел там недельку. Больше ничего не говорит?

– Больше ничего. Разве что. Благодарит охрану за службу и благословляет нести свой долг мужественно и по уставу.

Закинхр мотнул головой и улыбнулся:

– Ишь, блять, какой хитрожопый... Уже и благословляет своих надзирателей. Лишь бы его отпустили... В общем, дай указание подготовить его к транспортировке. Через три дня он должен быть в Луганске.

– Разрешите выполнять?

– Давай.

Когда помощник вышел, Закинхр откинулся в своём рабочем кресле и посмотрел в окно – во внутреннем дворе здания располагался плац, на котором сейчас было ежедневное построение личного состава штурмовых подразделений СЧК перед походом в столовую. Стояли они все по струнке, не то, что солдаты имперской армии, и судя по действиям сержантского состава, укладывались вовремя.

Вот оно, откуда берётся наше преимущество. Мы не какие-то солдаты с вшивыми уставами и правилами несения службы. Мы элита, которая все свои правила выполняет и делает это вовремя. И это всего касается: распорядка дня, тренировок, проверок, межуставных отношений. Выполняется точно и в срок. А не как у вояк – целыми днями рисовать всё на бумажках, как всё красиво, а как доходит до боевой задачи, так оно пусть всё само получится... Это так не работает. Либо ты всегда готов и делаешь. Либо ты втираешь сам себе очки и не готов по этой причине... Потому так и

подсели они на хиви, что теперь без них ничего из себя не представляют. Только и умеют, что собирать ствольную артиллерию и шмалять там, пока стволы до красна не раскалятся. А много так не навоюешь...

Шеф СЧК достал из ящика стола бутылку пшеничной водки и налил себе половину стакана. Залпом выпил и снова откинулся в кресле, глядя на уже уходивших маршем с плаца штурмовиков.

Ананхр, конечно, крута. Сидел тут беспокоился за неё. Что будет, если её сожгут или ещё чего-то там. Что делать потом. Всех грызть, держаться за место. Подставлять, убивать, угрожать... А ничего не потребовалось. Вон, как она умеет. Раз и митрополита под замок. И как свидетеля, чтоб никто не придрался... Что ж он ей там такое сказал, за что она смогла уцепиться? Даже немного странно, что нет этих подробностей. Но, впрочем, это сейчас не так важно. Через три дня мы всё сможем узнать досконально.

И какая удачная идея всё же с это персональной тюрьмой. До такого додуматься не каждый сможет. И потом всем и будем рассказывать, что вы там мол спятели, что мы разве могли бы придумать создать целое пенитенциарное заведение только ради одного чума, пусть даже настолько важного. Никто в это просто не поверит. Это даже звучит как абсурд.

А когда что-то звучит как абсурд, то ты это можешь делать свободно и без препятствий, просто потому что все считают, что такой вариант просто недопустим. О такой бонусе в ра-

боте тайной полиции рассказывали в школе СЧК на четвёртом курсе. Что только СЧК имеет такие возможности, что организовывать столько масштабные и одновременно нелепые по своему замыслу операции, что они одновременно будут и успешными, и с отличным алиби от чьего-то злорадовствования или критики. «Делай немислимое – и получишь себе алиби». Так учили там, и чудесно, что это до сих пор работало.

Персональная тюрьма для митрополита с тысячью заключённых. Всех заключённых, кроме одного, уже сотрудничающих с тюремной администрацией и знающих, ради кого всё это, и что именно им там надо делать. Пришло пособирать их целую неделю с разных концов Славянской колонны, чтобы точно знать, что все они будут действовать, как угодно СЧК, и докладывать обо всех действиях Самоха. Не говоря уже о том, чтобы вовремя его провоцировать на что-то.

Самох бы вскрыл себе вены, если бы узнал, в какое место его повезут, и что там будет его ждать. Узница, полная понимания и внимания. Такого внимания, какого у него явно никогда не было, и больше нигде и не будет. Место, где всё будет направлено лишь на него одного, и лишь затем, чтобы сломать его окончательно. Раздавить. Уничтожить как личности. И не просто, чтобы он начал стучать на своего бывшего босса, а чтобы он умолял о возможности сделать это и был счастлив тому моменту, когда эту возможность ему предоставят. Вот, что там его ждёт...

Закинхр налил себе ещё полстакана и сразу выпил:

– А они всё-таки милые эти жрецы. Сначала так артачатся, а потом начинают лебезить и делать вид, что ничего не было. Что все кругом друзья... Ещё нас кто-то лицемерами называет. Мы не лицемеры – мы профессиональные палачи. И друзей у нас быть не может. Потому что мы даже сами себе тут не друзья... И если я завтра ошибусь так, чтоб меня можно было выкинуть и занять моё место, так это сделают, не моргнув глазом. А до того момента будут выполнять приказы «от» и «до»... Не на того напали эти вшивые инквизиторы. Не на того.

Префект

Владений много не бывает. Влияния много не бывает. Подчинённых много не бывает. И всего этого сейчас у Горы было столько, что он не мог сказать, что чего-то из этого у него мало. Ещё всего пару лет назад ему казалось, что будь у него в подчинении целая шахта, где он сможет контролировать хотя бы только добычу угля, и большего он не захочет. Но теперь, когда в его руках находилась абсолютно вся власть и не на одной, а на семи шахтах, то ему казалось, что этого совершенно недостаточно.

Это просто крохи. Крохи от того, что он может в реальности. Что дозволено его способностям. И что он в итоге возьмёт. Себе. Теперь не было речи о том, что это надо сделать для того, чтобы кому-то стало лучше. Теперь была речь о том, что это нужно ему, потому что он хочет, может и заслуживает того, чтобы этим обладать.

Особенно ему казался непоколебимый последний пункт — заслуживает. Действительно, никого, кто бы мог подходить на эту роль лучше него, просто нет. Даже нет кандидатов, которых бы можно было рассмотреть. Вся структура автономии шахтёров держится только на том, что этой структурой заведует он.

Поэтому, когда Тихомиров, высказал ему предложение Кобры о том, чтобы занять два соседних сектора, относя-

щихся к группировке «Екатеринослав-Кременчуг», то единственный вопрос, который у него возник, так это вопрос о способе достижения этой цели.

В голове вообще кружились слова категории «все средства хороши» и «цель оправдывает средства». Сейчас это было именно так. Люди должны подчиняться ему. И именно в той пропорции, как он это видит, как он это решает за них. Потому что лучше это знать никто не может. И он уже доказал это, в том числе и сам себе.

Хотя бы на примере тех людей, которых он отбирал как смертников для лифтов во всех своих секторах. Это были люди, которые должны быть рады, что могут погибнуть достойной смертью, после которой их никто не сможет уже ни в чём упрекнуть. Двое из них были те парни, что почти год назад подрались в столовой из-за девушки, а Горе потом пришлось разнимать их и после устраивать целую подставную диверсию, чтобы укрепить только что подорванное сплочение шахтёров. После того случая на них смотрели как на прокажённых, которые не заслуживают даже того, чтобы просто стоять молча рядом. Они внутренне сами загнобили себя до такой степени, что когда Гора сказал каждому из них о его новых обязанностях, и о том, что всё это означает, то лишь тонкий луч надежды проснулся в их глазах. Луч, который в какой-то момент позволял избавиться себя от прошлых ошибок.

И как показала практика, один из них уже это сделал, по-

дорвав себя в секторе «Корса». Выбор оказался верным. И этот выбор делал Гора из множества людей. Он выбрал правильных. Тех, что работает как положено. Как необходимо. Прежде всего ему. Горе. При этом исходя из внутренней логики того, кто исполнял.

Нет, всё же представить себе какую-то замену ему невозможно. Никто не справится с этими обязанностями. И все это знают. И более того, думать по-другому начинало становиться преступлением. Люди затыкали друг друга даже при малейших сомнениях или отклонениях от верности суждений позиции их вождя. Не то чтобы преданности вождю. А преданности его позиции. Тому, как он думает... И это начинало походить на фанатизм.

Он прекрасно понимал, что такое фанатизм, и чем он чреват в первую очередь для него... Со временем он перестанет воспринимать вещи объективно. Со временем всё, что он будет делать будет восприниматься и отражаться его подчинёнными исключительно как единственно верное решение. А это в свою очередь означает, что именно верных решений со временем будет становиться всё меньше...

Но смысл ещё в том, что единственный способ не допустить этого заключался в том, чтобы хотя бы начать делиться с кем-то властью. Не оставлять всё себе. А передать часть кому-то другому. Передать кому-то другому часть мандата на правду. Часть возможности быть хоть в чём уверенным помимо слова префекта. Это было ещё более недопустимо,

чем неизбежность будущих его собственных ошибок.

Любой, кто получит хоть немного мандата на правду, сразу начинает желать сделать этот мандат уникальным. Чтоб у него была своя единственная верная правда. Обычно это выглядит как комментирование того, о чём не говорил вождь, но в духе вождя – проще говоря, занятие вакантного информационного поля. Причём теми же терминами, тем же подходом и сутью, но самим собой. А это ведёт либо к тому, что вождю приходится таких людей устранять физически, либо просто делать вид, что всё идёт по плану.

Первое, разумеется, должно было работать безотказно, но так хороших кадров не останется. Вся эта политическая ротация не может привести ни к чему, кроме как к понижению квалификации руководящего состава, где со временем люди будут мериться исключительно по способности дольше держаться на своём месте. Это и напрочь убивает конкуренцию, и неизбежно снижает эффективность.

Второе – это вообще бомба замедленного действия. Лидер, который остаётся в стороне, когда надо действовать, может восприниматься только как слабый лидер. И никак по-другому. Конечно, многие для сохранения собственных же позиций, будут утверждать, что это не так, что лидер всё регулирует тайно, что всё под контролем. Но поражение в этом случае, будет просто делом времени.

Именно поэтому ни о каком распределении или фрагментации мандата на правду быть не может. Все думают толь-

ко так, как говорит вождь. С этим все согласны, и не нужен никто, кто будет что-то комментировать. Могут быть только те, кто дублирует сказанное точь-в-точь. Слово в слово. Без искажений и пояснений. Прибавлений и убавлений. И только тогда можно говорить о том, что правда едина и находится в одних руках. Иначе объяснить им что-то будет просто невозможно.

Сейчас Гора находился в секторе «Корса», где ему оборудовали новый кабинет. Он был точно такой же, как и в секторе «Диза» и с таким же громоздким полотном во всю стену, где был изображён символ самоуправления. В этом секторе ему казалось безопаснее, так как здесь был, по сути, уничтожен выход на поверхность, и все подходы остались только по подземным путям. А от этого сектора пути были ещё к четырём другим, и теперь логичнее было находиться в узловом месте, и там же оборудовать свой штаб.

Хотя спалось тут как-то не так. В первые дни, когда Гора приехал сюда, ему спалось очень странно. Несколько раз снился Рафаил, который только смотрел на него каким-то очень странным и чем-то недовольным взглядом. Гора спрашивал у него, как дела, как себя чувствует, как его жена и ребёнок. И в ответ получал вот это неловкое молчание. Было совершенно непонятно, к чему оно, и каждый раз, когда мысли заходили в какое-то несуразное состояние, поднимая тревогу до предела, Гора просыпался.

Он оглядывался по сторонам, и не сразу вспоминал, где

он. Что он делает в этом помещении, которое настолько роскошно выглядит. Ему казалось, что он ещё бригадир одной из четырёх сом и ночует в общем бараке. Что у него есть сын и невестка, и что главная задача на сегодня – это выполнить норму выработки. И только спустя несколько секунд понял, что всё уже далеко не так.

А ведь было такое время. И в это время все даже считали, что чумы не способны свободно передвигаться по поверхности, спят чуть ли ни по 16 часов в день и впитывают в себя лишь одну жестокость и садизм по отношению к людям. Как бывают узки взгляды людей, когда им не с чем сравнить.

Оказалось-то, что и на поверхности чумы перемещаются достаточно, и спят примерно столько же, сколько люди. А уж садизм и жестокость в них не больше, чем в самых простых людях. Просто тогда шахтёры видели чумов из имперской армии, которые были лишь надзирателями и не более того. А надзиратели-люди ничем толком от них не отличаются. Чумы-эсчекисты совсем другие, а есть и такие, кто отлично думает головой и умеет даже понимать необходимость договариваться с противниками. Последнее удивляло больше всего, но соглашение с Гузохом не что иное, как прямое подтверждение этого. И ещё год назад нельзя было представить, что жизнь может измениться настолько, что соглашения подобного рода станут реальностью.

И самое-то интересное, что раньше неправильно думали абсолютно все. Не нашлось никого, кто бы сказал хотя бы

фразу «Может не все чумы такие?». Так не сказал никто. Потому что все люто ненавидели чумов, не хотели относиться к ним никак по-другому, кроме как к тем, кто должен провалиться под землю за свои преступления. Все хотели только мести чумам в какой угодно момент, хоть через тысячу лет, но только, чтоб она пришла. И эта месть, стоявшая пеленой в глазах, скрывала ту тайну, что есть и другие возможности для достижения своих целей...

Гора повернулся к полотну, эмблеме самоуправления и взгляделся в неё. Это его заслуга. Это только его заслуга, что теперь у людей есть такие достижения. Есть возможность выбирать, расширяться, стремиться к лучшей для себя жизни. Без него никто даже не мог предположить о чём-то подобном. Без него этой системы бы просто не было. И нет ни одного человека, кто был бы в состоянии даже продолжить это.

Он вспомнил случай почти десятилетней давности, когда Костя Богатый, его заместитель, видимо, будучи сильно невыспавшимся, неправильно рассчитал дневную норму выработки, решив, что добыть надо почти на четверть меньше, чем на самом деле. Когда он обнаружил это днём при проверке своих же собственных результатов, то немедленно доложил об этом Горе. Он выглядел очень виноватым, хотел сам броситься немедленно в сектор забоя, чтобы хоть как-то ускорить работу. Ведь с неверным распределением работы между сомами, наказание для 381-й должно было стать куда более суровым, нежели, до этого. Все эти сложные рас-

чёты должны были привести к тому, чтобы уложиться во все нормы, а получалось так, что на деле кто-то не доработает, и кого-то по всей видимости забьют камнями до смерти.

Тогда второпях шахтёрам одной из сом пришлось перекладывать свою долю добычи на сторону 381-й сомы, чтобы хоть как-то поправить ситуацию. Это помогло, но не до конца. Получилось так, что в двух сомах была переработка, а в 381-о недостача. По итогам трёх шахтёров покалечили, а один не выдержал и умер на следующий день. Богатый не мог простить себе этот просчёт, просил снять себя с поста заместителя и отправить в первые ряды забоя. Разумеется, Гора отказал.

И сейчас он вспоминал этот момент. Богатый ведь мог не признаваться, что допустил ошибку. Ему даже необязательно было подтасовывать какие-то факты, ведь бывало, когда шахтёров избивали и в случае соблюдения нормы выработки. Можно было бы свалить как минимум и на это. Но он сознался сразу. Как только заметил. Сознался и сообщил бригадире о собственной ошибке, способной убить других, но не себя. И можно много говорить о том, что вроде как это единственно верное решение, но на деле так делают не что не все, так делает меньшая часть. Сознаются в своей ошибке, чтобы побыстрее её исправить. Вне зависимости от того, что за этим последует лично для них.

Именно поэтому Богатый сейчас заведует всем экономическим пластом группировки «Донецк-Макеевка». И имен-

но из-за той ошибки, которую вполне возможно, он до сих пор не даёт себе простить, он будет работать как проклятый, высчитывать всё по сто раз и выполнять любые приказы, какие только ни отдаст ему префект. Ничем так нельзя получить преданность и исполнительность как необходимостью реабилитироваться после ошибки.

Даже если ошибки приходится создавать самому... Это очень тонкий механизм, как так давать задания, чтобы подчинённый внутренне понимал, что он в состоянии это выполнить как надо, но на деле не способный это сделать. Вот они две главных вещи: внутренняя уверенность в успехе и реальная невозможность это сделать. С виду весьма сложное сочетание, но на деле всё кроется в первом пункте.

Очень важно, чтобы подчинённый был внутренне согласен со всеми параметрами задачи и считал их выполнимыми, а не просто физически соглашался. Он должен верить в свои возможности. Возможности своих коллег. Благоприятные факторы. И тогда у него и не будет каких-либо противоречий в возможности всё сделать в заданный срок.

И всё это прекрасно достигается, когда единственная правда следует из уст вождя. Тогда картинка складывается, и собственные расчёты начинают сбываться. Когда все шестерёнки совершенно точно сделают то, что от них ждут.

Гора ещё раз осмотрел свой кабинет сектора «Корса», и ещё раз подумал о том, что единственный возможный мандат правды, который есть у шахтёров – это он сам.

Он встал из-за стола, прошёлся по кабинету, снова посмотрел на полотно с символом, который некогда сам же и сказал вслух:

– Нельзя всё время здесь сидеть. Лидера должны видеть своими собственными глазами, а потом пересказывать это другим, как какое-то чудо. Чтобы люди верили, что это не призрак. Лидер должен появляться на людях, как бы ему этого не хотелось избегать.

Эти слова словно оживили его. Словно их сказал кто-то другой, кто может смотреть на это объективно. Смотреть и говорить, что будет достаточным, а что лишним. Это сейчас этот кто-то считал, что он слишком засиделся на одном месте.

Возле двери префекта дежурили двое. Сам подход к кабинету проходил через не слишком длинный коридор, метров в пять, но он поворачивал два раза, и на каждом повороте стояло ещё по охраннику. Подход к этому коридору проходил через КПП, представлявшем из себя настоящий пост с бойницами и стальными дверями. Внутри КПП, располагалась ГБР из 40 человек, личная охрана префекта, которая в случае чего также могла приступить и к более деликатным задачам вроде сопровождения отдельных лиц на личную беседу.

Гора вышел из кабинета, двинулся по коридору... один поворот, другой поворот. Теперь КПП. Помещение сорок на двадцать метров со вторым таким же ярусом этажом ниже,

где также хранились запасы оружия, боеприпасов и взрывчатки.

– Господин префект, разрешите уточнить. – к Горе подошёл дежурный по шахте. – Нам готовить группу для транспортировки, сопровождения?

– Я пройдусь по объектам шахты и не более.

Всё же неплохую систему придумал Тихомиров. Ввёл распределения ответственности по армейскому принципу: каждый день свой дежурный по шахте со своим нарядом и ответственный по шахте, который за ним надзирает; также имелись свои дежурные и ответственные по секторам забоя, очистки и транспортировки. Все подавали отчёты, и по этим отчётам ежедневно всё проверялось людьми Богатого – насколько выполнены требуемые объёмы с тем, чтобы скорректировать работу на следующий день.

И теперь ещё несколько человек из контрразведки СМЕРШ будут пристально наблюдать за всеми, пока префект будет расхаживать по объекту, посматривая на работу шахты. По этому поводу с Тихомировым у него был достаточно длинный разговор. Тогда Гора утверждал, что это надумано, что шахтёры друг другу всё же ещё братья, что он для них вождь, и без него они и дня не проживут. Но довод Тихомирова крыл всё остальное – одно покушение уже было, и надеяться на неуспешность следующего тоже самое, что играть в русскую рулетку. Гора даже пошутил тогда, что хорошо ещё, что не в кавказскую, где всё наоборот. В русской –

в барабане всё пусто, кроме одного патрона в наличии, в кавказской – весь барабан заряжен кроме одного пустого слота.

– Дело не в том, в какую рулетку Вы будете играть. – сказал тогда Тихомиров. – Дело в том, чтоб вообще не допускать такие игры.

Гора с ним согласился. В конце концов умнее Тихомирова вряд ли кого-то можно было найти. И раз уж он так упирал на эту безопасность, то значит смысл в этом определённый был. В конце концов надо всё же и привыкать к тем временам, когда шахтёры уже не будут братьями, а кто-то начнёт втихую ненавидеть префекта, и там уж от охраны отказываться будет точно самоубийством.

Для начала, конечно, Гора направился в сектор транспортировки. Ему было приятно смотреть, как грузят уголь, который затем уйдёт в хранилища чумной империи в качестве уплаты дани за их способность жить спокойно. Сейчас ему даже было всё равно на те вопросы, которые могли возникнуть в связи с такой системой существования – что делать, когда уголь закончится или, может быть, чумам не нужен будет уголь, а что-то другое. Это бесполезные вопросы, на которые и не может быть ответа. Важно, что сейчас есть такое время, когда этот уголь может быть платой. Только это важно. И только благодаря этому в ближайшее время у Горы будет два новых сектора в подчинении...

В секторе забоя было достаточно тихо в тот момент, когда он подошёл. Рубильная машина на сегодня закончила рабо-

ту, так как скосила достаточное количество угля. Лишнее не добывали – был только запас на следующие три дня, который находился в секторе очистки.

Сам сектор очистки «Корса» был больше, чем сектора «Диза» раза в полтора. Огромные ленты, полные угля, необходимые к промыванию навяли Горе мысли о том, как некогда промывали чумы каждого шахтёра, работающего в те времена, когда никакой автономии не было. Страх, безысходность, неизвестность – это всё, что должен был помнить шахтёр, когда вставал рано утром, и когда ложился спать поздно вечером. Теперь вся очистка была только в руках самих шахтёров. По крайней мере, так они должны были считать искренне и все вместе.

Гора заметил одного из рабочих, кто очень долго и скрупулёзно вымывал всё из всех подряд угольком. Он вычищал каждый, потирая и как-то непонятно вертя головой. Когда префект подошёл поближе, то заметил, что тот ещё и несколько по-дурацки улыбается при этом. Рабочий вёл себя очень странно, и похоже, что это началось только что, потому что рядом стоявшие начали озираться на него, а те, кто стоял близко отшатывались подальше.

– Что с ним? – спросил Гора, ближайшего к себе горняка.

– Не знаю. Он у нас недавно. – ответил тот. – Ещё с утра всё с ним нормально было. Он только молчал всё время. Не хотел ни с кем разговаривать.

– Ясно. – Гора стал протискиваться к нему и, учитывая ко-

личество народу и узкие проходы между рядами, смершевцы немного отстали и даже что-то прикрикнули ему, чтобы не отдалялся от них.

Префект только умиротворённо помахал им рукой, мол «не беспокойтесь», когда приблизился вплотную к дёрганному шахтёру.

– Что с тобой? – спросил он его.

– Надо отмывать. Надо всё очень тщательно отмывать...

– Ты отмываешь достаточно хорошо... Ты скажи, что с тобой произошло. Мы все здесь братья. Мы должны заботиться друг о друге.

Гора был слишком увлечён своим желанием выглядеть великим перед всеми окружающими его людьми. Слишком думал о том, как он выглядит со стороны. Настолько думал об этом и представлял это, что совсем перестал обращать внимание на то, что делает обеими руками его собеседник. Префекту было важно, что все видят, как он заботится о каждом. Что каждый горняк для него важен, ценен и не будет брошен не только в беде, но и в одиночестве. Ведь несмотря на узкие пространства, где почти не было личного места, самая большая проблема для всех, у кого не было родных, так это полное внутреннее одиночество, непонимание и пустота жизни. Все кругом слишком много родных и близких потеряли к моменту получения самоуправления, что уже привыкли считать себя одними среди общей массы, где каждый может умереть в любой момент. Всё это должно было исчез-

нуть с появлением Горы, который мог быть отцом для всех. Который бы дал абсолютно каждому право не быть в одиночестве.

Потому так важно было ему казаться великим даже в простом разговоре с рабочим, очищающем уголь. Рабочим, который одной рукой продолжал мыть и обтирать уголь, а второй полез себе за пазуху. Зачем-то. Медленно и неприметно.

– Слава Чёрному Камню. – сказал шахтёр, подняв глаза на префекта. Глаза, полные движения, полные достижения своей цели, полные обречённости.

– Мы все в него верим. Слава Ему. – Гора был в полной уверенности, что так шахтёры лишь переживают крещение в новую веру, которая теперь даёт им ещё большую безопасность. И что в ближайшее время люди действительно будут слишком часто говорить об этом. Просто как о чём-то неожиданно новом.

Шахтёр улыбнулся одной стороной лица, и откуда-то сбоку его рука ринулась вперёд лезвием ножа прямо к горлу префекта.

Инквизитор

Тёмный, очень тёмный вагон. С рядом купе, в которых вместо дверей были решётки. Вместо сидений внутри – нары. В нижнем ряду справа и слева, а в верхнем ряду ещё можно было посередине опустить заслонку, чтобы туда запихнуть ещё кого-нибудь. Самох не хотел залезать наверх, но вместо полагающегося периодического сопровождения в туалет ему поставили ведро. И теперь справлять свою нужду ему надо было именно туда. Потому пришлось залезть наверх. Чтоб хотя бы не сидеть рядом со своим же дерьмом и мочой.

А ведь, его как специально, только-только пронесло, стоило сесть в этот треклятый вагон. И судя по всему, кроме него больше никого не везли. Оно и понятно, уж на митрополита собственного железнодорожного состава СЧК не пожалеют.

Особенно после этой отвратительной театральной постановки, при которой несколько эсчекистов изображали следователя и двоих понятых, в присутствии которых он сказал, что не будет свидетельствовать против патриарха, так как патриарх не может совершать непристойных действий, и одна только мысль об этом – уже ересь. В результате ему предъявили обвинение в клевете на патриарха, высшее духовное должностное лицо империи. На эти обвинения он ответил полным отрицанием – что ни в чём патриарха он не

обвинял, а перечисленное и вменяемое ему – наглая ложь.

Потому теперь его этапировали для дальнейшего проведения уже судебного процесса. От одних только мыслей об этом его воротило из стороны в сторону. Как получилось так, что митрополита кто-то посмел обвинять светским судом, да ещё и в клевете на самого патриарха. Даже если допустить себе такое невозможное обстоятельство, так подобное дело может рассматривать только коллегия митрополитов во главе с самим патриархом. На это ему ответили, что дело будет проводить та ветвь власти, которая его возбудила, а именно имперский уголовный суд.

В поезде трясло, и было очень холодно. Начиналась осень, и по ночам уже было достаточно прохладно. Учитывая явное отсутствие конвоируемых в этом вагоне, то и тепла было в разы меньше. Надзиратели обогревались в своём расширенном купе, из которого периодически коптило дымом и раздавался треск печки. И ведь ни раз Самоху не предложили хотя бы одеяло.

Зато предложили поесть. Видимо, почуяли его понос в ведре, и тут же сообразили, что неплохо бы угодить ему чем-то соответствующим, подав консервированную рыбу. Ничего более подходящего для глумления над ним, видимо, они не нашли.

Потом в какой-то момент один из надзирателей, видимо, выйдя покурить, подошёл к решётке его купе и протянул жестяную флягу, сказав, что это самогон. Очень знобило, каза-

лось, что нервы на исходе, и Самох хлебнул оттуда.

И правда оказалось, что это подарок на тот момент. Настроение немного поднялось, а в животе перестало так урчать, как прежде. Видимо, там хорошо всё обожгло, потому что тепло разнеслось по телу в два счёта. Тут же захотелось спать, и он отрубился.

Когда поезд остановился, причём достаточно резко, словно его сзади кто-то несколько раз толкнул, Самох почувствовал саднящую боль в горле, а вместе с тем и ещё больший озноб, чем был у него до того. Видимо, тепла он потерял куда больше, чем смог воспроизвести, и тем самым поднял себе температуру. Снова замутило, и, казалось, что сил нет вообще.

Но эсчекистов это не волновало. Они, словно, вообще забыли, кто перед ними, хоть митрополит продолжал быть облачённым в фиолетовый балахон, всё также замаранный грязью по краям. Самоха легко вытолкнули из купе, по дороге даже стукнув дубинкой по руке, которая в какой-то момент схватилась за решётку, чтобы удержаться. Он оступился, и чуть не упал назад, прямо на помойное ведро, вонь из которого распространилась уже на весь коридор.

– Вы что забыли, кто я? – еле-еле промолвил митрополит. Его сил хватало уже только на то, чтобы шевелить губами и чуть шептать. Сил даже на то, чтобы поднять глаза, уже не хватало.

– Заключённый. – сказал ему один из конвоиров и несильно пнул его дубинкой. – И тебе лучше не забывать это самому.

Самох, получив удар, слегка отшатнулся и упёрся в стену, чтобы не упасть. Как ни странно, но после этого, ему показалось, что открылось второе дыхание, что теперь он даже чувствует свои ноги и немного руки. Что теперь можно хотя бы идти, а не просто передвигаться, куда толкнут.

Из вагона ему буквально выпихнули, правда, снизу поддержали, чтобы он не свалился на соседние рельсы. Платформы там никакой не было – только несколько рядов путей, и небольшой КПП перед входом на отгороженную территорию. Везде была натянута колючая проволока, горели прожекторы в разные стороны и местами были видны караульные, передвигающиеся по периметру.

Внутри КПП его заставили раздеться, расписаться за сдачу одежды и имущества, которое было при нём, то есть церемониальный камень на цепи, который, как ни странно, но до сих пор никто не отобрал. Потом провели в некое подобие помывочной, где обдали из шланга ледяной водой, отчего он стал кашлять так, что казалось, что можно будет выплюнуть свои же кишки... И только потом выдали тюремную робу почти такого же, как у него, разве что более тусклого и истёртого фиолетового цвета. Было даже удивительно, что СЧК в своих тюрьмах используют для заключённых такой же цвет, что и священнослужителя для своих облачений. Это как бы

намекало на то, кем они их считают, и какое место для них припасли.

– Надо было знать это заранее. – подумал Самох. – Кто наш главный враг. Ведь они-то своего главного врага, очевидно, не упустили.

Разумеется, роба было не по размеру. И это было бы ещё полбеды, но он была на порядок меньше, чем ему полагалось. Рукава были настолько коротки, что еле прикрывали локти, а рубашка не могла застегнуться на последнюю пуговицу, так как в этом случае впивалась в шею. За это ему уже успели сделать замечание – одет не по уставу, с расстёгнутой пуговицей на воротнике.

Сейчас ему было не до этого – пусть делают свои замечания. Он и так в тюрьме, куда уж хуже. Но когда он увидел свою камеру, то понял, что есть куда стремиться. В ней унитаз был засран до такой степени, что казался биологической угрозой. Возле него летал рой мух, а воняло так, что хотелось плевануть снова же своими собственными кишками, потому что больше было нечем.

Самох, снял с себя рубашку, оставшись в майке, и повязал её как маску, закрыв нос и рот. Так, по крайней мере, несло дерьмом не так сильно, а вперемежку с чем-то похожим на дизельное топливо, запах, исходящий от той самой робы, которую ему позиционировали как новую. Учитывая, что на единственной койке не было ничего кроме матраса, лечь на неё пришлось, свернувшись калачиком.

В проходе, соединяющем камеры было темно, потому что единственный свет шёл от аварийной лампочки. Это говорило скорее о том, что рабочий день закончен, и заключённые должны спать. Но минут через пятнадцать, откуда-то издалека раздалась дикие вопли. С каждой секундой они увеличивались, пока этого кого-то не довели до камеры прямо напротив той, что была у Самоха.

Надзиратели открыли решётку, впихнули туда этого бедолагу, а потом быстро заперли его. Тот всё продолжал орать: до того, как оказался там, во время действий надзирателей, и после них. Он кричал что-то неразборчивое, иногда упоминая словосочетания «не моя вина» и «сгиньте от меня». Очень походил на тех, кого инквизиция периодически отправляла на костёр или в лечебницу в зависимости от того, кто проводил процедуру. Те, кто оказывался в лечебнице, так и продолжали орать, пока не срывали свои связки, и, как ни странно, у здорового чума, такое случилось бы куда быстрее, реши он орать в таком количестве. У подобных больных это продолжалось месяцами.

Самоху же не было удивительно, что такое вытворяют с ним эсчекисты. Сначала издевательства в поезде, потом в КПП, сама эта роба фиолетового цвета, теперь этот сумасшедший, который определённо не даст ему спать. Да и как спать – ему ведь нечем укрыться, и вонь из унитаза, которой явно отключён от воды, чтобы нельзя было смыть. Ясно одно – они хотят довести его до состояния, когда он сам

попросит текст, который ему необходимо будет зачитать, а потом подтвердить. И всё это лишь для того, чтобы смягчить себе условия. Это явно максимум, что можно будет от них получить: камера с работающим унитазом, хоть какое одеяло и отсутствие вечно орущего сумасшедшего в камере напротив. Вот, что он должен будет получить за своё согласие сотрудничать с ними, полностью предав свою веру и поставив жирный крест на карьере.

Как ни странно, но в какой-то момент он заснул. Часа за два до того, как его разбудили. И хоть этого было совершенно недостаточно, но это лучше, чем ничего. Самоху снилось, как он стоит в алтарном помещении храма Чёрного Камня в Чум-бату, один. И смотрит на престол. Тот самый престол, который полагался патриарху в том случае, если службу проводил он... Какой это был недостижимый престол, ведь Неврох делал всё, чтобы там не оказался ни один митрополит.

В обычное время все службы вёл настоятель храма Долонох. А на особые праздники такую службу проводил лично патриарх, и получалось, что на этом престоле сидит либо Долонох, либо Неврох. Ни один из митрополитов при патриаршестве Невроха не удостоился такой чести. При том, что в прошедшие времена, такое практиковалось ежегодно.

Это лишь символ, не более того, но провести службу в главном храме Чум-бату теперь бы значило наметиться на святой престол. Это место после себя Неврох обещал именно

Самоху. Тому, кто продолжит его дело и укрепит главенство духовной власти. Сделает всё, чтобы слово патриарха было важнее и весомее всех слов Центрального Комитета Империи. И самое главное, чтобы это слово было окончательным.

Для этого так нужна была инквизиция, и нужно было держать в таком страхе и имперскую армию, и администрацию, и простых рабочих, и особенно СЧК.

Справа от него в алтарном помещении показался полковник Базанхр. Ничуть не обгоревший, а даже скорее в какой-то новой форме... И с другими погонами. Уже генеральскими.

Самох удивлённо посмотрел на него и спросил:

– Когда ж это Вы успели стать генералом?

– В тот день, когда мы успели меня сжечь, предварительно разболтав и отравив своим ядом. В этот же день я стал генералом. Посмертно...

– И за какие заслуги?

– Самоуверенность, тщеславие и бахвальство. За что наградили и Вас.

Болотников

Болотников сидел не в очень тёмном помещении, не очень сыром и не очень мерзком. Собственно то, что он ожидал увидеть в тюрьме хиви, сильно отличалось от реальности, причём в лучшую сторону. Рукомойник был с достаточно свежей водой, койка не сильно скрипела, и пружины её не упирались в спину, как это бывает обычно в таких случаях, а унитаз и вовсе был представлен в виде био-туалета, в лоток которого можно было спускать испражнения, в результате чего в камере почти не воняло.

Мало того, ещё и крыс не было совсем – только мыши, и то немного. Во временных бараках маки их было куда больше, и иногда казалось, что их специально грузили вместе с поклажей, чтобы почём зря не оставить без дела.

Кормили три раза в день, и еда была не то что вкусная, а ещё и разнообразная. Гречка в масле, куриный бульон с вермишелью и борщ. Новость, что хиви едят борщ на ужин прямо-таки наносила удар ножом в спину – насколько же лучше они живут, нежели маки. Конечно, это не секрет, и, конечно, это логично, учитывая ситуацию, но когда видишь это своими глазами, пробуешь на вкус, то трудно победить себя и не начать думать о том, о чём раньше просто запрещал себе думать.

К чему вообще эта беготня, предсмертные хрипы и по-

туги, которые во многих случаях, оказываются не особо кому-то и нужны. В самом деле, никакие шахтёры и металлурги, находящиеся в рабстве, массово не убегали из мест заключения, находясь под гнётом чумов. Не очень-то им надо было испытывать судьбу где-то на свободе, при том, что при маки существовало достаточно районов, где ни чумы, ни хиви вообще и не появлялись. Почти полная безопасность – сиди себе да работай точно также, но во много лучших условиях. И нет. Люди не пытались поменять свой уклад жизни на такой, хотя надо было от них просто сбежать один раз.

Да, это требует определённого мужества и некоторой подготовки. Но по сравнению с ежедневным страхом смерти и всё новыми и новыми унижениями от чумов, это мужество и подготовка – просто ничто. Плюнуть и растереть – вот все усилия, которые были необходимы для того, чтобы начать жить нормально. И тем более, если кто-то из них переживал за тех, кто останется, так и легче всем договориться, и сбежать массово – оно и организованней и эффективней выйдет.

Но нет. Люди не доходили до этого. Уже больше ста лет они находились в рабстве в чудовищных условиях, не желая что-либо изменить... Так и зачем тогда маки? Зачем что-то подрывать, пытаться освободить, уничтожать новые и новые эшелоны имперских войск? Зачем делать то, что никто не просит и не ждёт?

Раньше у Болотникова был однозначный ответ, что по-

другому просто нельзя. Что это их долг. Но теперь... Когда он своими глазами увидел, что даже тюрьма у хиви выглядит лучше, чем обычное жильё шахтёра, то такой ответ перестал быть настолько подходящим. Теперь он казался просто бес-толковым и никому не нужны, кроме его самого...

И тем не менее, маки ни разу не отвоевали ни один весомый участок у Империи. Ни разу не было такого, чтобы маки заняли какой-то сектор, шахту, и освободили в нём шахтёров, находящихся там, уж хотя бы затем, чтоб увести с собой. Этого не было ни разу. Причём, что самое важное – не было даже попыток это сделать... И вот это вызывало теперь невероятное число вопросов...

Как он сам увидел, хиви, прикрывающих шахту не так много – батальон, может, два. На территории ещё одна или две буры чумов. Это всё максимум выльется в полторы тысячи бойцов, если считать по максимуму. И это если считать чуть ли ни самый охраняемый сектор, где сидит сама Ананхр.

Допустим, до сюда не так просто добраться, такому же числу бойцов маки. Но есть и другие сектора, до которых рукой подать. И при этом не придётся проходить Бахмут. И пути для отходов были бы поудобнее. Тот же самый Кременчуг – там же рядом есть сектор добычи. Почему группа Хмельницкого, которая на тот момент насчитывала почти 20 тысяч бойцов, не отбила этот сектор и не освободила по сути пленников, которые там были. Несколько тысяч металлургов, которые до сих трудятся на сталелитейном заводе рядом с го-

родом. Чем мы руководствовались тогда, когда были там?... Ещё как помнится это. Мы руководствовались тем, что группу пытались окружить, и она по факту выходила из котла, и промедление могло стоить нам слишком дорого...

Может быть. Может... Но получается так, что на каждый такой случай есть оправдание. И оно каждый раз подходит, как нельзя лучше. Тут нас чуть не окружили. Там нас недостаточно. Там трудно подобраться. Там ещё что-то. И в итоге за всё то время, что маки существуют как организованная сила сопротивления, они не сумели ни разу устроить рейд в сектор, чтобы освободить, по сути, тех, за кого они же и воюют.

Болотников встал с койки и прошёлся к входной решётке, потом быстро развернулся и подошёл к окну с решёткой, потом опять туда, потом обратно. И так, в течение минут двадцати, пока не закружилась голова. Мельтешить по камере два метра на три не очень-то получалось, но это отсутствие ответов не давало ему покоя.

Маки за всё время не отвоевали ни один объект, населённый людьми. Ни один. Столько боёв и операций было, столько диверсий. Захватов мостов и укреплённых районов, вершин, баз. И ни разу не отбили пункт, где есть люди, которых можно освободить. Почему так? Рассмотрев всё под этим углом стало очевидно, что именно полное отсутствие этого факта порождало наличие причины его обуславливающей. Ясно одно – захват такого объекта маки должен был прине-

сти больше вреда, чем пользы.

А какой вред мог быть от этого? Шахтёры разве могли оказаться обузой? Или, может быть, потери от освобождения могли стать настолько велики, что это нивелировало бы достижения победы? Но нет. Не сходится. На любом производственном объекте людей несколько тысяч, и даже если гипотетически прикинуть, что потери от операции маки в отношении имперской армии будет два к одному, то всё равно свободных рабочих окажется больше. И это даже в случае таких ужасающих потерь.

Нет, что-то не вяжется. Причина в чём-то другом. И она не в цифрах. Она в чём-то психологическом или идеологическом. И, возможно, в том самом, о чём думалось в самом начале. Шахтёры же правда сами не убегают массово. Сами восстают очень редко и то в тех случаях, когда где-то перегнули палку. Может, дело в том, что шахтёры просто не пойдут за маки? Может, ответ настолько простой? Но так узнать-то можно это только в том случае, если всё-таки освободить хоть один объект. Хоть попытаться дать шанс шахтёрам стать свободными. И где он этот шанс?

Кто-то постучал чем-то звонким по тюремной решётке, и Болотников мигом обернулся. У входа стоял бритый налысо командир хиви, который не так давно сам намекал на то, что неплохо бы ему, Болотникову, взять, да и освободить какой-нибудь производственный сектор. Молниеносно в голове промелькнула мысль, что надо бы это попробовать. Надо

самому увидеть, что будет, если дать шахтёрам свободу идти прочь из шахты на вольные земли, и жить своей жизнью, а не горбатиться на чумную империю.

– Ну как настрой, штрафной майор? – с ходу спросил командир хиви, входя в камеру. – Может, для начала перестать называть тебя штрафным? Как ты на это смотришь?

Болотников немного покивал головой, в конце концов в штрафники его определили несправедливо:

– Да, было бы неплохо.

– Ну и отлично... Ну так, майор, расскажешь мне, хорошо ли или плохо освобождать шахтёров от чумов? – было несколько удивительно, но командир хиви при этом аккуратно присел на койку и положил руки на колени. Выглядело, словно он достаточно хорошо доверяет сейчас Болотникову, а не просто уверен, что тот не будет пытаться сбежать или нападать на него. И тут внезапно он продолжил, словно читая мысли:

– Ну а куда тебе бежать, майор? Обрато к маки, которые тебя повесят или в лучшем случае пустят моментом в расход? Или к чумам, которые и разбираться-то не будут, а просто убьют в своё удовольствие? К кому из них? От чьей руки тебе приятней быть убитым? От рук друзей или врагов?

Болотников смотрел на него и не мог ничего ответить. Перед ним словно сидел дьявол, который читал его мысли и по дороге находил подходящие слова. Будто эти слова сплетены их тех, что находятся у него самого в голове. А, может, за-

пихнуты туда им же? Он сейчас даже казался насколько-то добрым – и правда, в плену ни разу не ударили, даже не толкнули, хорошо кормили и предоставили чистую сносную камеру. О чём-то лучшем нельзя было и мечтать.

И теперь этот человек сидел рядом с ним, такой уверенный и выдержанный, и прямо перед ним раскладывал по полочкам всё, что и правда было в его жизни. Маки, чумы, шахтёры. Жизнь и смерть. Ответы, казалось, так и достаются прямо здесь. В этой камере. И особенно в присутствии этого человека. Имени, которого он даже не знал.

– От рук врагов. – ответил за Болотникова командир хиви. – Разумеется, от рук врагов. Хоть не так обидно будет. Угадал?

– Да... Угадал... И именно, потому что не так обидно будет. – согласился Болотников.

– Ну тогда будем знакомы, майор Болотников. – хиви поднялся и протянул руку. – Меня зовут Кобра.

Болотников, не думая, протянул руку и пожал её. Наступило какое-то очень странное облегчение, словно он принял решение, которое давно маячило перед его взором, и теперь не надо было скрывать его от других, и особенно от себя самого.

– Сергей Болотников, – ответил он.

Кобра улыбнулся. Не ехидно или злобно, а уверенно, будто был рад знакомству с новым человеком:

– Ты уж умирать, то не торопись, Серёга... Ещё многое

можно успеть сделать... И раз уж ты так радеешь за шахтёров и ставишь своей целью их освободить, так я тебе представлю такую возможность... Пойдём. У тебя сразу поднимется настроение...

Болотников вышел за Коброй и поспешил по коридору. Рядом шли охранники, тяжело вооружённые и с грозным взглядом, но чувствовалось, что они не напряжены, а лишь контролируют ситуацию. Сразу подумалось, что таких людей в своё время не хватило Хмельницкому. Глядишь, всё бы и по-другому обернулось. Хоть это был бы уже и не тот Хмельницкий...

После длинного коридора они вышли в небольшое помещение без окон, а оттуда спустились по лестнице и вышли на парковку, пустую парковку для машин, которая сейчас была отгорожена на разные сектора рабицей покрытой всяким тряпьем, чтобы не было видно, что между ними. Они зашли в один из таких секторов.

Внутри стояло человек тридцать хорошо вооружённых людей, похожих на хиви более богатым обмундированием, но со знаками отличия, как у Отряда-14. Никого из них Болотников не опознал, и по манере стоять и двигаться ничего не выдавало в них маки – уж слишком дисциплинированно и строго они держались.

– Вот это – один из взводов, которые помогут тебе, воплотить твою мечту в жизнь. Освободить производственный сектор. – сказал Кобра. – Всего три батальона в твоём под-

чинении. Так что смело можешь считать себя полковником.

– Мне нужно разведать район и составить план, – начал было полковник.

– Не волнуйся, мои brave ребята уже сделали это за тебя. Здесь данные разведки и ориентировочный план по захвату сектора «Арха», подземного сталелитейного завода возле Кременчуга. – один из охранников Кобры передал ему пакет документов, а он в свою очередь отдал её Болотникову, а затем ещё достал небольшой конверт из своего кармана. – И ещё вот это... У тебя явная ностальгия по таким конвертам, так?

Не зря полчаса назад Болотников подумал об этом человеке, как о самом дьяволе, который умеет читать мысли других и вертеть их сознанием, будто оно принадлежит ему. От одного вида запечатанного конверта его будто передёрнуло, но это был вовсе не страх, а непреодолимое желание всё исправить. Исправить то, что он когда-то сделал неправильно.

– Ещё какая... ностальгия, – смотря на конверт произнёс Болотников.

– Ты можешь вскрыть его, когда угодно. Но тебе же лучше будет знать эту информацию только после того, как ты захватишь «Арха». Поверь мне на слово, до этого момента эта информация застрянет комом в горле и будет мешать. А после – без неё ты не сможешь всё пережить... Я лишь дал совет. Но когда открывать – решать только тебе.

Тарантул

Тихомиров лично привёл бойцов своей из своей штурмовой бригады. Всего два батальона из двенадцати, сформированных в последние несколько месяцев. Эти два были самые подготовленные и лучше всего укомплектованные, заодно и обещанными Коброй 80-и миллиметровыми миномётами в количестве четырёх штук. Форму им выдали из запасов хиви и налепили шевроны Отряда-14 – атакующий сокол. Даже подготовили легенду на тот случай, если кто их возьмёт в плен – никопольская группа, несколько недель обходящая позиции имперской армии, чтобы выйти к переправе через Днепр, а далее соединиться с основными силами Отряда-14 в Северодонецке. Заметив изъяны в обороне противника и решив атаковать нахрапом два соседних сектора, чтобы повредить инфраструктуру промышленности чумной империи. Он сам истолковывал эти задачи бойцам, чтобы они заполнили их как следует, рассказывал в деталях, чтобы запомнилось получше и красочнее, лишь бы только отвести их мысли о самом главном – фактическом рейде по захвату действующих производственных секторов.

Сейчас он ждал в кабинете Кобры, когда закончится эта презентация и Болотникова отправят на эти великие свершения. Как ни странно, но эти мысли в реальности отражали то, что происходило. Он сам не до конца сейчас верил, что

это происходит – что можно вот так получив самоуправление у чумов, сорганизовать штурмовые подразделения и отправить их под видом маки атаковать одну из частей Империи. И здесь формировалась явная дилемма: с одной стороны, Болотников должен был увести всех рабочих, оставив два пустых завода, а с другой – эти заводы должны были достаться префекту. Вроде ничего за рамки выходить не должно, за исключением, конечно, возможности провала при штурме, но всё равно нечто не давало ему покоя.

Почему маки сами раньше не пытались организовать подобные рейды? Об этом никому ничего не было известно. Ни об одной попытке освободить хоть кого-то, хоть в каком-то производственном секторе. Сложность, опасность, невозможность? Эти критерии не укладывались в логику маки. Складывалось ощущение, что им запрещено это делать. Словно сделай они так, и случится что-то, что ударит по ним настолько сильно, что они не очухаются. И это более чем удивляло. Что может так сильно по ним ударить, что освобождение за раз нескольких тысяч людей станет для них неминуемым поражением? И как Тихомиров ни смотрел на ответа, адекватного ответа не выходило.

Наконец, вернулся Кобра. Глаза его как обычно блестели от уверенности и осязаемого успеха. Было видно, что всё идёт так, как ему надо. Он закрыл за собой дверь, прошёл к своему месту и снял китель, оставшись в полосатой красно-белой майке: на левом предплечье красовалась татуиров-

ка в виде удава, на правой – в виде гремучей змеи, которую можно было легко определить по погремушке на конце хвоста.

– А кобра-то есть где-то? – спросил Тихомиров.

– Кобры нету. – ответил Кобра, наливая чай в свой гра-
нённый стакан. – И как ты понимаешь, прозвище Кобра на-
много лучше, чем гремучий змей, а то ж ведь ещё начнёт
там коверкать. Гремучий... горемучий... кое-кто, сам пони-
маем.

– А почему не удав? Тату же есть.

– Удав душит. А я нет. Я только кусаю и убиваю, когда захочу. – Кобра добавил в чай сахара и стал размешивать ложкой.

– А что, кобра убивает тогда, когда хочет?

– Именно так. – Кобра домешал, выпил стакан залпом и обернулся. – Кобра единственная змея, которая сама решает, когда ей выделять яд, а когда нет при укусе. Все остальные выделяют его всегда, когда он есть. Кобра решает это сама.

– Какой интересный смысл... – Тихомиров утвердительно покивал головой. – У всех хиви есть какой-то смысл в именах?

– У тех, кто головой думает, а не яйцами – конечно... Но ты сам знаешь людей. Некоторым просто хочется из кожи вон вылезти и назвать себя тигром или акулой, например. Не зная, чем вообще отличаются эти животные, и насколько они на них похожи. Вроде как опасный хищник, и этого достаточ-

но... А это всё ведь как с оружием или родом войск. Каждому что-то своё по душе надо, а не то, что просто захотелось. И иногда вообще получается так, что то, что вначале казалось самым неинтересным или неудобным, в итоге оказывается самым подходящим. И если человек начинает понимать, что к чему, то действительно начинает этим пользоваться. А там оно уже и нравится само по себе начинает, потому что пользу приносит такую, какую раньше всё остальное не приносило... И так же и с именем. Дело ж ведь не в том, какое ты себе выберешь, а как ты его будешь использовать... Вон у нас есть тут боец – Мухой зовут. Вроде ж хрень полная, что хорошего в мухе? Дерьмо жрёт да назойливая. Только что внимание привлекает. А вот этот боец такой, что хрен ты по нему попадёшь. Сколько вон было перестрелок с ним – он то тут, то там, то тут, то там. Носится как ужаленный, позиции меняет после каждого выстрела и на месте вообще не держится. Ни заметишь, ни прицелишься. Один целое отделением вполне может положить. Вон потому имя Муха ему очень к лицу – потому что не попадёшь ты по нему, будешь махать вокруг да около, а он всё облетит и дальше жужжать будет. А есть ещё Клоп. Совсем уж странно, да? Вроде как ну чё, клоп, прибить тебя. Раздавить в лепешку. Это да, но вот если дело ночью. Так он же придёт, крови попьёт, сколько ему надо, а ты и не заметишь. И так каждую ночь может. И хочешь трави его, хочешь на морозе всё оставляй – так он просто в анабиоз впадает и потом проснётся, когда потепле-

ет. И снова будет пить кровь по ночам. Так он, Клоп. Как ночь, так одного его отправляй на любую позицию – везде пролезет, крови попьёт и вернётся. И так ведь каждую ночь может... Хоть и по чуть-чуть вроде, а крышу знаешь как врагам сносит, когда они не знают, кого из них ночью незаметно сожрут. Попробуй после этого посмеяться над тем, что его Клопом зовут... Или вот Ленивец есть у нас. Тоже с виду, ну какое имя для бойца. Ведь зверь-то настолько бестолковый, что ему может быть лень смотаться даже, если его прямо сейчас сожрать могут. Какие тут преимущества? А вот такие, что это снайпер наш лучший. И валяться на одном месте в своей экипировке, которую ты с одного метра не распознаешь, он целыми сутками может, не двигаясь. И так, пока не дождётся того, кто ему нужен. Типа и Ленивец тебе с километра как шмальнёт прямо в голову, и привет... Я вижу достаточно тебе пример, но вот ещё последний. Скунс. Как тебе такое? Типа бзднёт, как следует, что аж противно и подойти нельзя. Где же крутость в этом? А вот в том, что это взрывник. И всякие там самоделки взрывающиеся и дымящие потом едрёной отравой, он как нечего делать мастерит. И потом не противно совсем, а простодохнут все, кто близко оказался... Вот он где смысл имени. В том, что значение в нём скрыто, а не просто какой-то пафос, за которым так любят охотиться...

– Я как-то про Шакала слышал. И что он друг твой был... Его прозвище от того, что шакалил много? – спросил Таран-

тул.

– Шакалил да... Только правильно смотреть на это надо. Он шакалил не чужие сделки или добро всякое. Он шакалил выгодные позиции в бою у врага. На раз-два. Заметит, откуда всё видно и, может, огонь корректировать хорошо, может отстреливаться. И раз – уже там со своим батальоном. Заметит ещё какое место рядом, и ещё его прихватит. Глазом только моргнёшь, а он уже там... Глаз у него зоркий был. Видел сразу, как подойти незаметно, с какой стороны ударить эффективно можно. Словно не отвоевал позицию, а шакалил её. Забрал себе за бесплатно и спасибо не сказал.

– Совсем, конечно, по-другому смотрится, чем в начале... Я так понимаю, что это тоже такая фишка у хиви – выдавать всё с двойным смыслом, чтоб не сразу понять можно было?

– Есть такое. Но это не то, чтоб уж прям такой двойной смысл. Это смысл такой, чтоб понимали не сразу. А как дойдёт до кого, так чтоб страшно было. Что не всё так просто было, как казалось в начале... Вот это фишка хиви. Но не всех, конечно. У нас тоже есть выскочки и твердолобые, которые напролом лезут. И, скажу тебе, не мало таких и не на самых последних ролях сидят...

– Попахивает чем-то личным. – Тарантул отхлебнул немного чая и устался на небольшой топор, висящий на двух длинных саморезах на стене. Рукоять была обмотана ремнями, чтобы не скользила рука, а на полотне топора был выгравирован волк. – На топоре, случаем, не волк, а шакал

на самом деле?

– Да, именно так. Шакал. – Кобра поднялся, подошёл к топору и легко снял его правой рукой, выставив чуть с боку от себя. – Как ты понимаешь, это подарок... И тоже со смыслом. Он желал мне научиться шакалить позиции у врагов также, как он... Только он имел в виде не боевые позиции врагов, а политические. Сам-то он в политику и не думал лезть.

Тарантул ещё раз отхлебнул чая. Ему было понятно, что Кобра и так рассказал ему более, чем достаточно. И про хиви, и про отношения Кобры со всеми остальными. Тут было ясно одно, одного из его друзей недавно обвинённого в предательстве казнили у маки. Учитывая последний обстрел из миномётов и «переобувание» группы Bravo, становилось очевидно, что на Кобру кто-то очень активно копает из своих, причём копает основательно. И, что ещё опаснее, копает с молчаливого одобрения высшего руководства хиви. Последняя мысль Тихомирову показалась наиболее вероятной в виду того, что Кобра явно представлял из себя очень опасного политического противника и в недалёком будущем вполне мог бы и сам претендовать на много бОльшие роли, чем сейчас... А расклад шахтёров тут какой? Если на месте Кобры будет кто-то другое, то лучше-хуже будет от этого? Проверять не хотелось, тем более, что сам Кобра уже показывал себя с хорошей стороны, как долгосрочный союзник. Но всё же, надо бы обдумать и тот вариант, если всё же Коб-

ру кто-то уберёт...

Раздался сигнал рации:

– Фокстрот вызывает Квебек.

Кобра положил топор обратно и быстро взял рацию:

– Квебек на связи.

– На маршруте 209.

– Два-пять.

Он положил рацию на стол и спустя пару секунд дверь в кабинет открылась и вошёл запыхавшийся боец из ГБР подразделений Тихомирова:

– Разрешите передать конверт с донесением Тарантулу, товарищ бригадный генерал.

Кобра посмотрел на Тихомирова и потом обратно на бойца:

– Разумеется. Передавай.

Тихомирова вскрыл переданный конверт, внутри которого лежал тоненький листок бумаги с единственной надписью: «Вчера в 22-10 было покушение на префекта».

Эти слова молнией пронеслись в сознании Тихомирова. Он же только-только создал полностью укомплектовал подразделение СМЕРШ, раздал все инструкции, проверил их исполнение, перепроверил сами объекты охраны, предупредил о мерах самого Гору. Ошибки быть не могло. Если такое случилось, то либо предатель есть внутри СМЕРШа, либо Гора сам нарушил правило быть в безопасности.

Кобра выжидающе смотрел на Тарантула. И спустя мину-

ту тот произнёс:

– Вчера было покушение на префекта.

– Он жив?

– Да. Разумеется. Иначе бы мне доложили о его гибели.

Мне нужно срочно возвращаться.

Выходя, Тихомиров подумал, что по-другому написано быть и не могло. Ведь он сам отдал такой приказ – ни при каких обстоятельствах, фактических или вымышленных не давать информацию о смерти префекта. Чтобы ни случилось. Какие бы ни были раны или прочие последствия возможного нападения на него – префект должен быть жив для всех в любом случае. И сам префект утвердил это. Для всех он должен быть жив.

Кошкина – Живенко

Мужики вроде не все одинаковые. Или все. Или нет. Или кто-то притворяется, а кто-то нет. Или все притворяются. Или никто не притворяется, а просто не мужик на самом деле. Или что?

Наташа уже не знала, что думать последние несколько недель. Ей всё продолжался сниться тот же сон, где Рафаил стоял посередине луга и говорил ей о том, что только вместе с Марией она сможет понять Чёрный Камень, и как ему можно противостоять. Но Миша, вначале насколько-то ей поверивший, даже согласившийся, хоть и по своим причинам, найти её, всё время стал откладывать решительные действия.

Эти отвратительные слова, совершенно не совместимые с чем-то мужским «посмотрим», «подумаем», «не до этого». Как может быть «не до этого», когда ты уже сказал, что это сделаешь? Что за своевольное отношение к своим же собственным словам?

Наташа понимала, что, конечно, для Миши был тяжёлый удар, что куда-то пропал майор Болотников, теперь никто не может его найти, и ещё и поползли слухи, что он сдался чумам и будто бы уже слил всю информацию о группировке, которую знал. Этому даже были подтверждения в том, что со стороны Лисичанска заметили какое-то движение, которое с каждым днём только усиливалось. Но у нас у всех были

и есть тяжёлые удары, которые мы получили в этой войне. Если так падать духом и уходить от реальности после каждого, то войну не выиграть, её даже проиграть достойно не получится.

Она это понимала. И ей было очень странно, что такие простые вещи не понимает он. Вообще в последнее время казался каким-то твердолобым. Твердил всё что-то своё. Про неизбежность. Про то, что упустили свой шанс. Про какой-то крупнокалиберный пулемёт всё время. Как будто эти разговоры вообще хоть что-то могут исправить... Но самое главное было даже не это, а то, что они практически перестал спать друг с другом. Это было уже что-то за гранью...

Всё и так было не безупречно. То он устал, то он думает о чём-то тяжёлом, что сейчас не до этого. Но это было хоть не постоянно. А теперь, чтобы заняться сексом, нужно было получить целое стечение удачных обстоятельств... И это была совершенно неприемлемая ситуация. Она боялась этого больше всего, что в какой-то момент ему или надоест всё это, или он ударится в какие-то свои грандиозные планы, или, что ещё хуже, в депрессивные мысли о неизбежном поражении.

Ей всё это зачем? Ей нужен был мужчина, который будет рядом. Который будет вселять уверенность, в том числе и того, что она сама желанна. А когда он хочет ещё на уровне «может быть» раз в месяц, то это уже не отношения, а их отголосок. Не говоря про то, что это не совсем мужское пове-

дение – если уж он не может, так и сказал бы об этом прямо. Что там ему надо или, может, что уже и совсем ничего не надо. И не делал вид, что это всё вопрос времени.

Наташа уже была зла на него. И ещё этот сон, который не давал ей покоя. Который в прямом смысле требовал от неё действия. Требовал чего-то, что не мог получить от других. И она прекрасно знала, что это за чувство. Прекрасно знала, потому что видела не раз, как её собственные действия спасают жизни другим. Когда буквально пара нужных и важных движений вовремя перекрывают рану или кровоточащую артерию в тот момент, когда медлить нельзя, когда жизнь просто уходит из человека. И сейчас она чувствовала именно это – та самая жизнь, которая её окружает, просто уходит, оставляя после себя недвижимый труп.

В этот момент в квартиру зашёл он. Миша. Сейчас они жили в большом многоквартирном доме, где располагалась на разных этажах вся рота Миши, одна из шести рот двух штрафных батальонов. Было и удобно в случае чего всем быстро собраться, и в случае его шумно выяснять отношения друг с другом.

Вид у Миши был стандартный последних дней. Измученный, удручённый и немного злой. Мол, не приставайте даже ко мне, мне не до вас. Словом, ничего нового.

Она посмотрела на него, подумала, что раньше его очень любила, совсем другого. Стремящегося, боевого, полного жизни. Того, кто хотел её почти каждую ночь. И сейчас ви-

дела, что этого всего уже нет. И сидеть тут и надеяться, что что-то изменится. В конце концов, это он её должен во всё поддерживать, а не только она его. Кто тут мужчина, а кто женщина?

– Миша, еда ты знаешь где, – сказала Наташа.

– Знаю. Спасибо, – даже не посмотрев на неё ответил он и присел на диван в коридоре, такой же расстроенный, как и минуту назад, как и день назад, как и столько времени назад, что уже и не вспоминалось что-то другое.

– Мне сейчас надо идти, – негромко сообщила девушка и пошла в комнату собирать вещи в походный рюкзак.

– Куда? В смысле надолго это? – он хоть повернул голову в её сторону, продолжая смотреть куда-то в пол.

– Да не знаю я, насколько это долго! Если бы ты слушал меня хоть немного, то тоже бы знал, что это неизвестно! – её голос ещё не срывался на крик, но уже был полон отчаяния.

– Ниче не понял? Я что-то не так сделал? – теперь он наконец смотрел на неё, хоть она этого и не видела, пока собирала свои шмотки в рюкзак.

– Да это не что-то, Миша! – обернулась она. – Это всё не так! Всё! Я устала от этого. Устала каждый день видеть тебя таким.

– Каким?

– Беспомощным. Пустым. Никаким вообще! Что, ты думаешь, я чувствую, когда каждый день вижу это уныние умирающего лебедя? Подумаем. Посмотрим. Что тут смотреть?!

Уже всё давно видно. Что тебе ничего не надо! Вообще ничего!

– Да я что ли виноват, что мы в такой заднице?!

– А какая разница, кто виноват? Ты или меняй, что не нравится, или смиришься и живи с этим спокойно. А ходить и пиздастрадать каждый день как ссаная тряпка – это знаешь ли уважения не вызывает. Ты это хотел услышать?

– Да я бы пострелял этих скотов, если б хотя бы шанс был.

– Вот пошёл бы и нашёл себе этот шанс. Пострелять там, кого тебе надо, быть довольным и трахать меня как мужчина, наконец, каждый день, а не раз в месяц!

– Да о чём ты думаешь, когда совсем не время сейчас для этого?

– У тебя всегда всё не время. И если не устраивает, так надо менять. Вот меня не устраивает. Я и меняю. Иду и меняю... Мне снилась эта девушка целый месяц, и я понимаю, что должна хоть это сделать. Делать и сделать, а не сидеть и жаловаться. На то, что где-то что-то невозможно.

Наташа к этому моменту собрала, что хотела, накинула на одно плечо рюкзак и двинулась ко входу, но Миша перехватил её и аккуратно обнял:

– Наташ, подожди... Я знаю, что неправ... И насчёт секса тоже... Но куда ты собралась идти?

Она чуть успокоилась и немного отдышалась:

– Я не знаю... Какое-то там место возле реки, где её видели. Не знаю, это не должно быть далеко от сектора «Диза»...

Буду искать там...

– Наташ, без приказа, это всё дезертирство. Ты сама знаешь, что бывает за это...

– Знаю... Пусть расстреляют, раз так надо. Это куда лучше, чем вот так сидеть и ничего не делать.

– Хорошо-хорошо. Давай я прямо сейчас пойду говорить с Хмельницким. Может, на санкционируют это. И пойдём всем взводом тогда.

– А если не санкционируют?

– Тогда пойдём вдвоём...

Возле входной двери Хмельницкого никто не стоял, не охранял. И с виду было такое впечатление, что эта дверь вообще никому не нужна. И сидит за ней никто. И звать его никак. И когда Миша постучал, то ощущение было, что в лучшем случае, что он сейчас оттуда услышит, так это «иди лучше на хуй отсюда», без разбора, кто пришёл.

Но всё не так. Дверь открыл сам Хмельницкий. В его глазах виднелась обычная присущая ему уверенность и даже бодрость, несмотря на позднее время:

– Заходи, Миш.

Миша зашёл и тут же увидел, что в столь позднее время он пожаловал сюда не один: Космогоров, Шварценберг и ещё несколько человек при неплохих погонах, которых он не знал.

– Ты, как нельзя вовремя. – сказал Хмельницкий. – Но всё

начни ты. С чем пожаловал?

Миша уже почти передумал говорить правду, но тут снова представил Наташу. Как она скажет ему, что он не сделал, что обещал. Как пойдёт уже точно сама. И что всё равно придётся идти вместе с ней. Только уже виноватым, а не с чистой совестью. Только уже и правда вонючей санной тряпкой, а не просто мужиком, которую где-то не повезло. Нет, всё же надо делать, что обещал:

– Я про девушку... Марию. Ту, что мы искали девять месяцев назад и не нашли... Учитывая нашу ситуацию с Горой, она может пригодиться, если мы её найдём... И Чёрный Камень... Она может знать что-то, что поможет нам победить...

В этот момент, даже несмотря на невозмутимые выражения лиц всех присутствующих, Миша подумал, что несёт какой-то несвязный бред, и что в лучшем случае ему сейчас рекомендуют сходить проспаться этой ночью, чтоб на следующий день прийти со свежей головой и иметь реальные предложения, например, по засадам или вылазкам, а не эту ахинею про какую-то девку, про которую никто и не помнит. Собственно, он сделал, что обещал. Спросил, так спросил. Если скажут, что он наркоман, так и вернётся обратно, и уйдёт вместе с Наташей. Хоть она злиться на него не будет.

– Мы как раз о ней говорили. – сказал Хмельницкий.

Миша сначала не до конца понял, что это было сказано вообще про ту, которую он имел в виду:

– О ней?

– Да, о ней. О дочери одного из бригадиров. Марии Волиной. Так её зовут.

– А... Да?

– Присядь Миш, ты слишком волнуешься, – сказал командир, и Миша, согласно кивнув головой, уселся рядом с Космогоровым.

– Почему ты о неё заговорил сейчас? – спросил Хмельницкий.

– Да тут... В общем...

– Говори. Ничё тебе не сделают за правду. Уж по крайней мере здесь.

– В общем... Наташе снится сон. Эта Мария. Или уже кто-то другой. Кто вечно твердит, что надо её найти. И что она поможет узнать тайну Чёрного Камня. Непонятно какую и как... В общем, это я всё в пересказе. Я сам не очень пойму, что там к чему, но надо её найти.

– Наташе снится. Теперь понятно. – командир улыбнулся и присел рядом с Живенко. – Она ж темноволосая у тебя... Ладно я, а как же Вы не узнали своего сотрудника, доктор?

Этот вопрос был задан Шварценбергу, и было видно, что при этом все совершенно довольны. Несмотря на то, что вопрос выглядел как упрекающий. Несмотря на то, что сейчас происходило какое-то недоразумение в понимании людей, всю свою жизнь занимающихся исключительно практическими вещами. И при всё при этом, после слов о Наташе,

вся эта компания за исключением самого Миши словно просияла от радости.

– Я не очень понимаю... – сказал Миша.

– Да потому что тебе самому этот сон не снится. – сказал Шварценберг.

– Нет, мне такое вообще не снится... Мне снятся пулемёты, засады, перестрелки...

Окружающие рассмеялись. Действительно, последние несколько недель Живенко всем уши прожужжал своим желанием обзавестись крупнокалиберным пулемётом «Утёс», который можно будет весьма удобно поставить на одном участке близ Бахмута и устроить там кровавую баню из чудом.

– А вот нам всем снится один и тот же сон почти месяц. И мы только сейчас решили поделиться этим друг с другом... – сказал Хмельницкий. – Как мы стоим на краю какой-то роши, во тьме, так что нас не видно. И смотрим на двоих в центре этой роши. Какого-то здоровенного ангела, говорящего девушке с тёмными волосами, что она должна найти Марию. И что только вместе с ней она сможет понять, как узнать тайну Чёрного Камня... Наверно, ни один из нас бы не поверил, что в таких снах есть какой-то смысл, но только вот наши предки тоже не очень верили в том, что нечто подобное этому Чёрному Камню существует. Они не верили, и проиграли... Учитывая, что у нас сейчас происходит в нашем Отряде-14, который уже не наш, так самое оно начать верить во

что-то подобное. По крайней мере, это хоть шанс на что-то, а не пустое прозябание своей жизни в надежде умереть не завтра, а послезавтра...

Пока Миша всё это слушал, он вспоминал Наташу. И то, как сам говорил, что надо бы ей в Глакомы. С её-то головой. Теперь, когда он слышал точно такие же идеи из уст настоящего командира, то понимал, что в тот момент он думал совершенно правильно. Наташе и правда самое место в Главкомах, или хотя бы возле него... А он-то выбросил это из головы. Подумал, что не женское всё же это дело.

– Видимо, я такой дурень, что мне без толку было б видеть такие сны, даже если бы они мне снились... – признался Живенко.

– Может, оно и так. Может, нет. – ответил Хмельницкий. – Но сегодня перед рассветом, мы всем штрафным полком уходим отсюда...

Болотников

Сейчас, когда Болотников читал это письмо, он не мог поверить ни одному его слову. Буквально ни одному. Всё казалось каким-то вымыслом. Жуткой историей, выдуманной для того чтобы пугать детей по ночам.

Но всё произошедшее говорили о том, что это правда. Полтора часа назад его группы захватили сектор «Саппа», подойдя на заготовленные позиции, а затем проникнув на территорию административного здания без единого выстрела. Нужны тропы были разминированы, и все инструкции и планы по молниеносному захвату оказались на 100 процентов правильными. Дальше было дело техники – зачистка главного здания и прилегающего к ним прошла как по маслу. Охранные подразделения чумов из имперской армии были застигнуты врасплох и полностью уничтожены. С потерями, которые и не ожидались – всего 23 человека убитыми и 27 ранеными, уничтожив при это три охранные буры полностью.

Затем Болотников лично спустился в подземелье, где были добиты оставшиеся отряды чумов, и казалось, что достигнута полная победа. Он объявил, торжественно объявил, стоя с АК-74 в руках, что все рабочие свободны. Что они вольны идти за ним. Что теперь ни им, ни их близким ничего не угрожает. Что теперь для них наступила новая жизнь,

свободная, самодостаточная, полноценная. Без унижений и страданий. Без страха за жизнь свою и своих близких каждую минуту. Это всё теперь настало. И никто не посмеет этому помешать, потому что дорога уже свободна. Достаточно взять всё необходимое и последовать быстрее за ним, ведь на следующий день придут другие подразделения чумов, и захватят производственный сектор обратно. Медлить нельзя.

И что он увидел? Что увидел Болотников, когда окончил свою речь? Безразличие. Тупое мёртвое безразличие ко всему, что он сказал. Люди не хотели ни идти за ним, ни идти хоть бы куда им захочется, чтобы стать свободными. Они стояли на своих местах и буквально ждали, когда он уберётся оттуда, чтобы не мешать чумам вернуться. Чтобы потом их не обвинили в коллаборационизме. И лишь горстка людей вняла его словам.

Всего из 3662 рабочих, за ним последовали 277. Меньше десятой части захотело воспользоваться возможно их единственным шансом за всю жизнь стать свободными. Это не укладывалось в голове.

И теперь, когда Болотников раскрыл и прочитал письмо, данное ему Коброй, он стоял в ещё большем смятении, считав себя чуть ли ни преданным. Текст был набран на печатной машинке, и он снова и снова разглядывал его:

«Полковнику Болотникову

Если ты открыл это письмо уже после того, как занял

сектор и предложил рабочим свободу, а я предполагаю, что именно так ты и сделал. То ты уже понял причины, по которым я просил не открывать это письмо до штурма. Ты бы посчитал это гнусным враньём, и, возможно, стал бы действовать на эмоциях.

Тот факт, что практически все рабочие отказались от твоего щедрого предложения стать свободными. И идти вместе с тобой. Или пусть даже без тебя... Такой факт удивит тебя, но тем не менее это факт. И он существует не только в том секторе, который ты занял, но, по всей видимости, везде, где люди находятся в подобных условиях.

Можно долго вдаваться в причины такого поведения. Выученной беспомощности людей. Их нежелания брать на себя ответственность. Или их сломленную волю. Но главное, что стоит уяснить из этого, так это само существование такой данности.

И именно исходя из этой давности главари маки не совершают рейды на производственные сектора с целью освободить там кого бы то ни было. Так как увидев жестокую реальность, боевой дух рядовых бойцов будет, вероятно, полностью сломлен. Они потеряют веру в то, что делают. И, вероятно, страх перед потерей своей хоть и весьма скромной власти, куда выше для лидеров маки, чем желание освободить хотя бы ту часть людей, которая согласится быть свободной.

Данная реальность, разумеется, известна и лидерам ма-

ки, которые некогда совершив несколько операций, подобных той, что ты совершил сегодня, знают, что цена её высока, а вот приз весьма скромный. Именно поэтому они скрывают сам факт существования подобных инцидентов, находя иные способы объяснить их отсутствие всем остальным.

В любом случае, какое-то количество бойцов в свой собственный отряд ты получишь. И также и пополнишь его уже в секторе «Арха», который идёт следующим в твоём списке.

Да и не принимай это близко к сердцу. В конце концов, раз ты увидел это своими глазами, то ты смог успешно провести операцию и по крайней мере предложить долгожданную свободу тем, за кого воевал всю жизнь. Хоть эта свобода, как оказалось, нужна и немногим.

Тот, кто поделился с тобой той тайной, что скрывали от тебя твои командиры

Болотников наконец смял эту бумагу, достал спички и поджёг её. Всего 277 из 3662 человек производства «Саппо» желали быть свободными. Посмотрим теперь, сколько захотят быть таковыми из 6 тысяч рабочих сектора «Арха».

Тарантул

Сектор «Корса». Люди ходят все запуганные, и ждут новостей. Сами не знают, каких. Хороших, плохих. Просто ждут. Лишь только надеются, что им самим не будет плохо от этих новостей. На префекта было покушение, и человек двести видели, как кровь брызгала из его вен после удара ножом. От этого мир словно почернел.

Тихомиров стоял возле койки, на которой лежал Гора. Рядом стояли двое охранников из СМЕРШа, напряжённых и боящихся не услышать стук сердца в следующую секунду. Сам Гора не приходил в сознание ни разу – только всё время дышал мерно и спокойно.

Рабочий кабинет теперь был превращён в медицинскую палату, с капельницами, отдельным столом с рядом медикаментов и пустыми бутылками, из которых делали переливание крови.

Когда Тихомиров думал над тем, что может в какой-то момент не оказаться префекта, он ни разу не представил себе картины, в которой префект по факту ещё жив, просто не может выполнять свои обязанности. И сможет ли неизвестно.

Рана, которую ему нанёс тот сумасшедший, была касательной, но при этом достаточно глубокой. Нож прошёлся по шейной вене, и прошёлся бы и ещё раз, если бы не начали

стрелять службисты из СМЕРШа. Гора, хоть и потерял много крови, но остался жив. Вену зажали почти сразу, и также сразу начали процесс переливания новой крови.

Самого сумасшедшего ранили в голову, и хоть и не смертельно, но он теперь был в коме. В состоянии не лучшем, чем префект. Его содержали в одной из кладовок в другом конце шахты. Ему также делали переливание крови, стремясь спасти жизнь. Только не за тем, чтоб он эту жизнь потом продолжал, а затем, чтоб рассказал зачем хотел забрать жизнь префекта.

Рядом стоявшие шахтёры почти не слышали, что тот говорил Горе. Что-то про Чёрный Камень. Про его величие. И всё это время активно намывая уголь. А потом, незаметно достав нож, ударил им. Все видели, что шахтёру ничего не угрожало, и что ничего не предвещало такого поведения. Более того, само наличие ножа в секторе сортировки не могло быть оправдано. Но оставался и вопрос, почему вдруг Гора ни с того, ни с сего вообще подошёл к нему. Тот стоял в гуще толпы, даже не рядом с проходом, ничем принципиально не выделялся среди других. Разве что своей маниакальной манерой протирать угольки водой.

Какова вероятность того, что именно в этом был его расчёт. Сделать своё поведение нестандартным и тем самым привлечь внимание. Конечно, определённого эффекта можно было от этого ждать, но ждать того, что к тебе подойдёт сам глава всей группировке, чтобы чем-то поинтересовать-

ся, это настолько ничтожные шансы, что в голове и не укладываются.

И тем не менее префект к нему подошёл. И начал разговаривать. Такие вещи случайностью быть просто не могут, насколько бы они ни выглядели случайными... Это всё закономерности. Не здесь, так в другом месте... Тихомиров не один раз предупреждал Гору, что тому больше нельзя сохранять то поведение, что было год-полтора назад, что он уже не бригадир, а глава нескольких производственных секторов с единоличной властью. Теперь его расценивают не как доброго дядю, переживающего со всеми остальными за темпы добычи, а как человека, который подчинил себе других и заставил себя слушаться. И в этом случае, если у большинства это вызывает трепет, то у некоторой части обязательно вызовет непомерную зависть. Ту зависть, которая может довести даже до безумия. И не исключено, что то, что произошло, было именно таковым. Вот, где закономерность. Кто-то всё равно бы это сделал. Не подойди Гора к этому психу, так подошёл бы к другому. Единственный вариант, как исключить подобное, так это не допускать префекта к людям на близкое расстояние, а, возможно, и вовсе ограничить его посещения общественных мест. В конце концов, что такого он может там увидеть: как кто-то работает, как кто-то не работает, как кто-то делает, что должен или нет. Обо всём этом мы и сами прекрасно можем доложить, и намного лучше, чем когда он будет обхаживать всё сам... Сколько он там сможет

сам обойти за день – в лучшем случае целиком один сектор. А мы-то сможем доложить обо всех. И в том числе о тех секторах, которые только что заняли.

Ведь надо же было этому случиться, как раз тогда, когда так нужно его присутствие на новых территориях. Теперь же у нас не 7 производственных секторов, а целых 9. Ещё «Саппо» и «Арха». И выбрали-то мы их так, чтоб имелись подземные коммуникации с ними напрямую, а не через кого-то. Именно для этого брали столь небольшой и незначительный «Саппо» – через него идёт соединение в самый развитый сектор «Арха», который вполне можно назвать сердцем металлургии Украины. И теперь это сердце в наших руках. И у нас есть всё, чтобы удержать его.

И является ли случайностью тот факт, что именно сейчас префект практически при смерти. Одной ногой тут, другой – там. Кто-то знал о том, что мы планируем эти операции, и что у нас рассчитано всё настолько, что это точно получится? Кроме Тихомирова об этом знал Кобра и префект. Болотников узнал в самый последний момент. Разумеется, можно считать, что за нападением стоит Кобра, но в этом нет никакого смысла. Ему меньше всего нужно какое-то изменение в руководстве Автономии, и уж тем более смена префекта. Новый префект может и не дать разрешения использовать свои транспортные коммуникации под землёй, и Кобра потеряет свой главный козырь в противостоянии с другими хи-ви. Да и к тому же, союзники-то ему как раз сейчас нужнее

всех остальных. Ещё нужнее, чем нам. Нет, это не Кобра.

Тихомиров всё это время смотрел на Гору, продолжающего равномерно дышать. С каждый новым разом казалось, что он вот-вот пошевелится в какую-то сторону, откроет глаза и что-то скажет. Хоть что-то... Но ничего не происходило. Он лежал словно каменная глыба, неспособная двигаться самостоятельно и невозможную сдвинуть кому бы то ни было – только расколоть на части и перенести ко кусочкам.

Нет. Это не те мысли. Он сильный. Он вернётся к нам. Точно вернётся. И снова будет руководить, как и прежде...

И тем не менее, пришло то время. Может, и не надолго. Но пришло. Делать вид, что префект в полном здравии. Что приказы отдаёт он. Но просто не может в виду своих причин присутствовать где-то лично. А строгой необходимости в этом нет. Ведь он уверен, что всё будет сделано точно и в срок. Именно так. Точно и в срок. А иначе, он появится лично и покарает за ошибки...

Митрополит

Уже второй день Гузох находился в секторе «Крито», который он посещал неделю назад, и где имел встречу с Самохом. Он прекрасно помнил ту встречу, все предостережения своего коллеги, и что больше всего его удивляло, так это то, что он смотрел сейчас на всё это абсолютно также, как и тогда. Не изменилось ничего. Абсолютно ничего. Но только для него.

А для других всё встало с ног на голову. Полковник из СЧК не выкаблучивался перед ним, а говорил строго по делу, без какого-либо притворства, предложил совершенно другое новое просторное помещение для него. И хотя Гузох вернулся всё в ту же каморку, где и был до этого, было видно, что его очень ценят как гостя и готовы выполнить чуть ли ни любое его указание.

Разумеется, всё из-за того, что теперь, после союза с Ананхр, Гузох для СЧК был не просто своим чумом, а чумом, который вполне способен прекратить вражду с Инквизицией и вывести его даже на уровень сотрудничества. Эсчекисты были счастливы, что теперь у них есть такой союзник, что теперь у них есть всё, чтобы завершить ту войну с Неврохом, которую ранее они надеялись лишь свести к хрупкому перемирию.

Всё изменилось для СЧК. Для Церкви. Для Гузоха. Но не

сам Гузох. Он сидел снова внутри этой каморки с небольшим изображением Чёрного Камня на стене и думал о том, что для него всё, как и прежде. Что он также, как и прежде распространяет святую веру в Чёрный Камень. Что главное в вере – служение, и что это служение должно склонять максимальное количество чумов на свою сторону. Не сжигать их и карать неудобных, а склонять на свою сторону.

Его даже не смущало слово «чумы» в своём суждении с учётом того, что совсем недавно он обратил в веру Жах почти 40 тысяч шахтёров... Теперь они тоже насколько-то чумы. И именно так стоит их воспринимать. Кроме того, префект доказал свою крепость в вере, когда помог Гузоху переправиться подземным маршрутом в сектор «Диза» и вовремя принять главенство над бурой негласного ресурса, сделав из неё буру благочестия, которая должна лишь следить за безопасностью митрополита.

И каким образом он получил свои приобретения, не так уж и важно. Важно, что, получив их, он сам предложил крестить в святую веру несколько тысяч человек. Несколько тысяч новых душ, которые пополнят ряды истинно верующих в Чёрный Камень. И тем более это не важно для тех двух новых секторов, которые похоже Гора уже прибрал себе к рукам «Саппа» и «Арха».

Даже несколько поражало, насколько различными способами этот человек был способен овладевать всё новыми территориями. Удачная атака маки, которые уничтожили все

подразделения имперской армии в этом районе, и последующая контратака хиви с освобождением этих секторов, казалась чем-то выходящим из ряда вон. Но факт оставался фактом, теперь эти территории управляются префектом, а охрану осуществляют хиви, разумеется под покровительством СЧК.

И было бы не так важно, что там происходит, но Гора уже успел прислать ему приглашительное письмо с просьбой лично обратиться в веру Жах рабочих обоих секторов, а это почти десять тысяч человек. Тем более, что один из них – сектор «Арха» – был самым крупным предприятием во всей Славянской колонне, и когда-то, когда этот сталелитейный завод ещё обслуживался чумами, а не людьми, там несколько раз проводил службу сам великий инквизитор Торкведох, сделав это место священным для веры Жах. И тот факт, что теперь Гузох обратит в истинную веру собственноручно такое количество пусть даже и не чумов, а людей, означало для самого Гузоха новый этап в его служении святой вере. И по количеству, и по времени он станет самым выдающимся среди всех священнослужителей. Это новый этап в становлении Церкви, и следует соответствующим образом к этому относиться.

Митрополит поднялся со стула и направился к выходу из кельи – сейчас ему предстояло бросить все силы на то, чтобы оказаться в секторе «Арха» быстрее кого бы то ни было.

Когда он прибыл на место, ему казалось, что он прибыл домой. Непонятно, откуда у него взялось такое чувство, но оно переполняло его. Он словно светился им. Это место, сектор «Арха» изучал нечто новое, то новое, что освещало дорогу у чему-то большему, чем просто служение вере Жах. К тому, что он лично значит для этой веры.

При том сам сектор «Арха» и особенно его главное административное здание были простреляны буквально в решето. Отовсюду разило горелым пожарищем, да и ощущение было, что вообще что-то ещё горит. Повсюду валялись трупы чумов и людей, с которыми, по всей видимости, кроме сбора оружия, ничего больше не делали. И не то, чтобы это не напрягало, а казалось чем-то совершенно естественным. Война – слово, которое со временем делает все вещи само собой разумеющимися, какими бы жестокими или даже невозможными они ни были. Это же со временем будет касаться и веры...

В отличие от остальных производственных секторов в «Арха» железнодорожная платформа располагалась прямо в самом административном здании в виде громадного крытого вокзала, где высота потолка достигала метров двадцати. Для людей это давным-давно объясняли необходимостью загордиться от солнечного света, который в реальности чумам не был вреден, но на самом деле когда-то первый карак, строивший себе на этом месте транспортный узел, был из древнего дворянского рода, который привык бросать деньги на

ветер в погоне за выпендрёжем. В итоге и получился такой огромный вокзал в купе с не менее громоздким административным зданием.

Вокруг стояли хиви, как обычно в полном вооружении. На самой платформе, у въезда в неё, у входа в администрацию. Кое-где заново оборудовались пулемётные гнёзда. На одном из путей стоял Т-80 с обложенными вокруг мешками с песком. Картина была та же самая, что и на подъездах к самому сектору, только там хиви замаскировывали все свои позиции, а здесь даже не пытались это делать.

После того, как бура благочестия обезопасила зону поезда, из него вылез и сам Гузох. Ощущения чего-то нового у него усилились ещё больше, когда он подошёл к входу в главное здание и через открытые ворота увидел внутри гостевой зал. Он был великолепен. Даже при наличии периодически видневшихся мест обстрелов и сбитой мраморной кладки, он был просто великолепен. Величествен. Поразителен. И даже чем-то напоминал зал первого храма Империи в Чумбату.

Посередине зала стояла небольшая делегация из людей, и судя по форме это были представители шахтёров, которые прибыли сюда после освобождения сектора силами хиви. Гузох подошёл к ним, осматривая каждого по отдельности – казалось, что никто из них не знает его языка.

– Мы приветствуем Вас, Ваше Преосвященство. – сказал очевидно их главный на чумном языке, который звучал

практически без акцента и уж точно не выдавал человеческого начала, если б не было видно, кто говорит. – Меня зовут Тихомиров, и я представляю префекта. Мы уже приняли святую веру Жах и просим Вас обратить в неё ещё и этих рабочих.

– Здравствуй, сын мой. Скажи мне, где же сам префект? – спросил Гузох, и правда не до конца понимая, почему тот не явился лично. Всё же он явно был более боевого плана и вероятно способным в политических нюансах, чтобы понимать, что ничто иное как личное появление не способно на данный момент лучше всего укрепить его ещё шаткое здесь присутствие. Тем более, что работ по обустройству и введению новых правил здесь должно хватать на начальном этапе, как нигде.

– Господин префект получил травму ноги, находясь на производстве и лично контролируя рабочий процесс. Его жизни ничего не угрожает, но ему необходим постельный режим. Как только он сможет, то немедленно явится сюда, чтобы почтить Ваше Преосвященство.

До Гузоха доходили слухи, что на Гору было покушение. Абсолютно без каких-либо подробностей. Что кто-то напал на него в каком-то общественном секторе и нанёс какую-то рану. О том, насколько она тяжёлая, и к чему вообще может привести, информации не было. Но теперь было понятно, что травма точно не такая простая, как можно было подумать. Не было никаких сомнений, что если бы это не было

действительно серьёзно, то Гора бы точно явился сюда сам. И более того, даже с травмой сейчас стоял бы перед митрополитом, чтобы оказать своё почтение. По крайней мере, именно так Гузох видел характер Гора, исходя из всего, что уже было им пережито.

– Сколько рабочих сейчас в секторе? – спросил Гузох.

– 5502 рабочих, Ваше Преосвященство.

– Сколькие из них желают принять веру Жах?

– Все 5502.

– И ни один не желает остаться при своей старой вере?

– Ни один. Все хотят принять веру Жах, Ваше Преосвященство.

– Как же вы смогли так легко убедить их?

– Своим примером, Ваше Преосвященство. Мы показали им, что вера Жах открывает глаза на реальность. Потому что реальность можно познать только через Чёрный Камень.

Гузох видел, что этот человек говорил с ним неискренне. Он не думал так и не верил в том, что говорил. Но говорил он при этом на чумном языке. Говорил всё правильно, чётко, без запинки даже. Если он будет продолжать в том же духе, то никто не посмеет упрекнуть его в чём-то неправильном, не то, что в ереси. Он очевидно умён и был поставлен на эту роль префектом именно за это. Что-то подсказывало, что с ним ещё придётся иметь дело в будущем, причём не один раз. Возможно, даже сам Чёрный Камень это подсказывал...

– Скажи мне, сын мой, как давно ты умеешь разговаривать

на нашем языке?

– Я начал учить его в тот день, как мы приняли веру Жах в группировке «Донецк-Макеевка». Я учил его каждый день. И продолжаю учить сейчас.

И это тоже не было правдой. Митрополит прекрасно видел, что это не так. Хоть он так складно об этом говорил. Да и вряд ли настолько хорошо можно человеку выучить чуждой язык за какие-то полгода. Не говоря ещё и про то, чтоб общаться на нём настолько свободно, насколько это делал он. Нет, он определённо учил его очень давно, и, по всей видимости, в большой тайне от всех остальных. Особенно учитывая, как осторожно он отвечает. Ведь, вероятно, он сам не помнит тот далёкий день, когда он начал его изучать. Сейчас он прекрасно знает, что ему ничего не угрожает, но в его складе слов видно, что он уже привык к слову «угроза», которое стало для него перманентным. Этот человек очень осторожен, и сейчас очень приятно видеть его на своей стороне.

Было даже несколько удивительно, как это такие мысли лезли в голову Гузоху. Раньше он бы упёрся рогами в вещи, напрямую связанные с Церковью. Насколько тот или иной прихожанин на самом деле верить в то, что говорит. Или насколько он предан самой вере, а не просто соблюдает какие-то правила Церкви. Это было много важнее, чем того, что выходило на практике, и теперь стало очевидно, что именно-то практики Гузоху и не хватало. Той самой практи-

ке, которая заставляет понять, что чумам вроде Невроха не место в роли патриарха, потому что в истинных намерениях ошибиться-то легко, а вот в практических соображениях уже нет. Гузох считал, что Неврох прежде всего предан вере, хоть и по-своему, а оказалось, что он предан самому себе, и что только личная верность ему заботит его больше всего. В этих соображениях митрополит ошибся тогда, и теперь он видел, насколько дорого ему обошлась такая ошибка.

Судить надо о потенциальных возможностях и потенциальных амбициях. Вот ключевое понятие действий и их характера у каждого, с кем придётся иметь дело. Каждый к чему-то стремится. И каждый имеет какие-то возможности для достижения этой цели. Если правильно оценивать эти величины, то не выйдет ситуации, схожей с той, что получилась при патриархате Невроха. А этот человек. Тихомиров. Явно намерен использовать веру Жах и лично митрополита Гузоха как свою опору или, условно говоря, свою долю легитимности в чумной Империи. Не стоит уповать на их возможную веру или их мысли по поводу этого. Ведь в этом нет практического смысла. Единственный практический смысл в том, что без их признания официальным лицом Церкви, у них нет и должной легитимности. А это значит, что и характер этого лица окончательно привязывает их к нему. Пришло время действовать.

– Сын мой, собери всех 5502 рабочих в этом зале, и тех, кто не уместится, пусть перейдут далее в сторону железнодоро-

рожной платформы. Там им тоже всё будет видно и слышно.

– Слушаюсь, Ваше Преосвященство. – Тихомиров поклонился и вместе со своей свитой поспешил к выходу, ведущему к лифтам в подземный завод.

Гузох повернулся к командиру буры благочестия:

– Сын мой, Рамбанхр... Подготовь горнее место для меня в конце зала, откуда я буду обращать в нашу святую веру. И принесите все усилители звука, какие только сможете найти.

Тот махнул свои, и часть из них тут же побежала рыскать по зданию в поисках заданного, и только один взвод остался на страже митрополита.

Такого скопления людей в одном и том же месте не видел ещё ни Гузох, ни Рамбанхр, ни кто-либо из присутствующих чумов благочестия. Сам Гузох стоял на возвышении, сформированном из нескольких бетонных блоков, на вершине которого располагался новый святой престол. Чуть ниже его окружали чумы из его охраны, а дальше стояли только люди. Их глаза были несколько напуганы, но никто не смел даже дёрнуться без команды.

– Именем святого Чёрного Камня. – начал Гузох, дыша полной грудью и понимая, что дороги назад уже не будет. – Нарекаю себя Папой Арханским. Главой святой веры Жах великой чумной Империи... И сейчас будьте готовы принять для себя новую веру. Крепкую. Мудрую. Сакральную... Но перед этим я желаю спросить. Есть ли кто-то, кто присут-

ствуует здесь по принуждению, и не желает быть вместе с нами в эту минуту?

Недалеко от него стоял Тихомиров, и озвучивал, видимо, не всё, а только часть того, что он говорил на русский язык. Слов от него получалось явно меньше. И вылетали они совершенно не с теми интонациями. Как если бы он выдавал команды и инструкции.

В ответ тишина. Полная тишина. Такое ощущение, что люди были готовы даже не дышать, лишь бы не поставить под сомнение тот факт, что они хотят и готовы на всё лишь бы только находиться в этом месте и в это время... При этом их глаза были полны обречённости, словно их день ото дня ведут на убой, но никак не доведут до конечной точки.

– Если кто-то не может сказать, то пусть поднимет руку. – добавил Гузох, и его короткую реплику тут же перевёл Тихомиров.

Тоже тишина. Люди стояли, как и стояли. Они продолжали молча смотреть на Папу Арханского, лишь изредка моргая глазами.

– Тогда повторяйте за мной: Вся моя жизнь принадлежит Чёрному Камню. И только он в сердце моём. – возвестил Гузох.

Тихомиров перевёл, и тут все пять тысяч человек в один голос произнесли это на русском языке.

– Теперь Вы все верующие Жах. И все вы мои послушники. – Гузох смотрел на них, и видел не только послушников.

Он видел свою новую армию, силами которой можно будет защищать и веру Жах, и эти территории, и его лично. – Благословляю Вас на защиту нашей веры!

Главнокомандующий

– Целиком два батальона, санитарная рота и около десяти отдельных взводов разных батальонов. – новый заместитель Главнокомандующего генерал-майор Жиганов докладывал своему начальнику. Вокруг стояло всё новое руководство Отряда-14, когда Зубков принимал утренний доклад.

– Около десяти, блять?! – заорал Главком. – Вы ещё и не посчитали нихуя!

– Мы перепроверяем, товарищ...

– Заткнись на хуй, блять, раз не можешь докладывать нормально!... Как далеко они могли уйти?

– Километров пятнадцать в запасе у них точно есть. – сказал начальник разведки полковник Захарченко. – Тяжёлое вооружение они не взяли. Двигаться могут достаточно быстро, но они решили раненных из штрафбата с собой тоже прихватить. А с ними уже скорость не та...

Зубкову было приятно, что хоть кто-то из его новой команды говорит дело. С недавних пор ему стало казаться, что его окружают одни подхалимажные идиоты, которые только и думают, как бы угодить ему словцом. Особенно это стало проявляться после пропажи Болотникова, когда каждый только и думал, в чём бы новом его обвинить. И ведь никто ж с виду и не вспомнил, что в вечер, предшествующий этой «пропаже» Болотников заходил именно к Главкому. Все по-

малкивали об этом так, как будто этого и не было совсем.

И это вот уже настораживало. Это означало, что об этом знают все. Знают и молчат, сволочи. Что-то готовят. Для него же. Для Главкома готовят. Сейчас кланяются и лебезят изо всех сил, а как соберутся, так и обвинят его самого же во всём том, в чём вчера обвиняли Болотникова. Скажут, что ты, мол, вообще с ним заодно и был. Сработались вы на пару, да и сдавали тут все позиции чумам. И какой-нибудь Жиганов на место Главкома и сядет...

– Нет, суки. Со мной так не выйдет. – подумал Зубков, пока смотрел на всех остальных. Как же зыбка его власть здесь. Как же легко что-то пихнуть, делая вид, что нечаянно, а всё потом полетит так, что не будет даже заметно, что-то кто-то ещё и подталкивает... Только вот что они потом с этим делать будут? Они все знают, что хиви подготовили две ударные бригады в Лисичанске, общей численностью в десять-двенадцать тысяч человек. И это только то, что известно... Сколько там резервов, артиллерии, сколько тянется с других флангов – об этом гадать только можно. Мост не удержим, так и командовать будет нечем – возьмут в котёл, да и закончится на этом Отряд-14. А тут ещё и Хмельницкий сбежал...

Можно, конечно, всё будет свалить на него. Вроде как вот он, предатель и есть предатель. Теперь всем очевидно. Да только что это даст, когда всё будет проиграно? Сваливать на кого-то имеет смысл, когда есть ещё чего спасать. А когда

всё кончено, то все просто сгрызут того, кто сидит на троне в этот момент. Чтобы он там ни начал говорить или обещать... Знают они, что этот момент уже может быть близок?

Знают, суки. Конечно, знают. И Жиганов и Захарченко знают. И все остальные тут присутствующие тоже. Если кто-то из этих восьмерых не знает, то это уже будет большим сюрпризом... Так чего скрывать? Пусть и дадут свои мудрые советы.

– С Лисичанском что будем делать? У кого есть предложения? – Главком задал вопрос в лоб. Как когда-то задавал Хмельницкий. Правда, Хмельницкий-то действительно хотел услышать мнения, а не сделать кого-то крайним. Этим старый дурак отличался, как никто другой... Ну ладно. Здесь-то крайние тоже не нужны... Нужно дать им понять, что без меня они сдохнут. – Зубков наконец ещё подумал, что от него-то не слабо ж ещё несёт перегаром от коньяка, выпитого вчера. А ведь хотел всего рюмку хлопнуть, не более. А вмазал всю бутылку, что аж еле встал с утра. С мутной головой и тошнотворным состоянием. Голову охлаждал из бочки с дождевой водой, чтоб хоть как-то прийти в чувства. Что-то во взгляде вроде прояснилось, но запах, конечно, не убрался. А ведь думал недавно обзавестись лавровым листом, и хоть эту проблему бы решило. Да всё руки не дойдут... Но с этим бы завязывать надо совсем. А то после победы над Хмельницкий так подбухивать добром не кончится. Многие ли на самом деле боятся своего командира, когда

видят его с похмелья утром?

Тишина. Пока он всё это думал, никто ж ведь и не ответил. Ничего. Все тупо стояли и палились на него.

– Кто-то не в курсе ситуации? Надо объяснять? – продолжил Главком и тут же заметил, как изменились у всех окружающих глаза. Ещё буквально минуту назад они были извиняющимися, подавленными и потухшими, как в момент стали агрессивными и злорадными. Таким же, что и был, взгляд остался только Захарченко – спокойным и размеренным.

Но при этом все также продолжали молчать. Зубкову стало не по себе, и он сам ощутил, как начало колотить его сердце.

– Чё молчите-то?! Спрашиваю ещё раз, блять! Все в курсе ситуации?!

Они стали понемногу переглядываться друг с другом. Так хитро, аккуратно. И снова очень злорадно. Вокруг повисла страшная тишина. И Зубков начал судорожно переглядываться то с одним, то с другим. То с одним, то с другим... Нет... Они этого не сделают. Они овцы. Тупые бараны. Они поставлены мной. Они обязаны мне. И без меня они ничто и были бы никем...

Их руки одна за другой потянулись к кобурам, оружию, за спину... Злобно, жестоко и злорадно. Было видно, что им нравится это, и что они специально тянут момент, потому что не смогут потом прожить его заново. Не достал оружие только Захарченко, но только он и что-то сказал:

– Генерал Зубков, я снимаю Вас с должности Главногокомандующего... И приговариваю к расстрелу на месте...

Казалось, что он не успел договорить, когда остальные начали палить по Зубкову также злобно, жестоко и злорадно, как только что смотрели на него.

Губернатор

– Дони, ты либо говори всё, как я говорю, либо просто молчи уж тогда, – сказал Блух.

Броз Славянской колонны и министр имперской армии два часа назад выехали из Ростова-на-Дону и двинулись напрямиком в столицу чумной империи Чум-бату. До этого момента они молчали, ничего не пили и не ели, а просто смотрели в окно, на мимо проезжающую территорию – холмы, периодически перекопанные карьеры, изредка попадавшиеся деревья, иногда какие-то столетние избушки, от которых оставались фрагменты стен и печные трубы из кирпича. Весьма скучный ландшафт на предмет эстетики, но вполне подходящий в плане многообразия.

Блух не часто проезжал по отведённым ему территориям, считая их по большей части какой-то пустошью, но с того момента, как власть надо всем этим стала ускользать от него, появилось ощущение того, что он что-то недооценивал.

Особенно после того, как выяснилось, что ещё два сектора теперь повисли в воздухе: «Саппо» и «Арха». Это уже относилось к группировке «Екатеринослав-Кременчуг», и ему даже было непонятно, как так получилось, что уже и ей теперь начинают заведовать СЧК со своими хиви и с внутренним самоуправлением людей. Мало того, «Арха» – вообще крупнейшее предприятие всей Славянской колонны и самое

крупное сталелитейное во всей Империи. И теперь охрану и производство на нём обеспечивают люди. Такое в голове не укладывалось... Что вообще до такого можно было дожить.

Ещё даже год назад не было разговора ни про самоуправление, ни про хиви, охраняющих производство, ни даже про то, чтобы вообще как-то облегчить участь людям – всё эти глупые игры СЧК, которые только и думают, как бы поджечь под себя остальных...

– Дони, ну что ты молчишь? Мы же в такой заднице оказались и вместе решили действовать. Надо уже теперь идти до конца, раз решились, – продолжил Блук.

– Я должен тебе кое о чём рассказать. – ответил Донхр. – Перед тем, как мы начнём говорить с патриархом, ты должен кое-что знать.

Блук заметил тон и некоторую встревоженность. Не ту, которая выдаёт какой-то страх, а, скорее, ту, которая предшествует стыду. Стыду за что-то, что когда-то сделал, хоть и пришлось при этом переступить через себя.

– Что сказать-то? Говори же, Дони!

– Понимаешь, тут такое дело... Помнишь тот взрыв в Луганске, когда мы потеряли несколько бур имперской армии и СЧК?

– Да уж такое не помнить. Столько вони было из-за такой мелочи. Мы и больше теряли. Вон лет пять назад была заваруха возле Никополя. Мы там и восемь бур потеряли... И никто кругом так не возмущался, а тут всего-то.

– Дружище, мы там совсем не то потеряли, что заявлено...

Наступила неловкая пауза. Блух сидел и смотрел на своего собеседника, почти даже не моргая.

– Дружище, мы там потеряли девять легионов. Семь имперской армии, и два – СЧК... Это был не просто взрыв с последующим обстрелом – образовалась такая дыра, что она достала до реки, и там всё затопило. Мы всем говорили, что успели отвести и всё прочее, но это сказки всё. Там почти никто не выжил. И все обслуживающие бригады тоже затопило. Девять легионов, а не пять бур. Мы потеряли основные ударные силы имперской армии и штурмовиков СЧК во всей Славянской колонне. Вот почему никто из нас не был против, что устроят там эту свою автономию и передадут охрану хиви... Нам самим нечем было всё это охранять. И воевать с маки нечем. Вот откуда идут все эти изменения.

Блух сидел и пялился на того, кто уже давно был ему другом, и не понимал, как могло получиться так, что он сам обо всём этом не знал вообще ничего. Всякое бывало, конечно, но чтобы так. Это ж сколько надо было отчётов подделать, сколько чумов подкупить, сколько всего везде помянуть, сжечь и написать заново, чтобы это не вылезло наружу. И ведь удалось же. Самое-то главное, что это у кого-то удалось. У кого?

– Дони, это кто всё сделал? Закинхр? – спросил Блух, немного дрожащим голосом.

– Да. И я помог ему. Как ты понимаешь, я в этом помог

ему...

– Зачем? Я не понимаю, Дони. Там же не было твоей вины? Это была операция СЧК, а твои там – только прикрытие.

– Да о чём ты? Кого это волнует? Такие потери. Семь легионов имперской армии, это 46 бур. Какая разница, кто там всем заведовал. У меня-то после этого их уже не было. Что со мной в этом случае должны сделать?

Блух покачал головой. Да что уж тут говорить. Понятно, что за это можно сделать. Пытать, а потом казнить. Такие потери в Империи никому не прощают. Ни прошлые заслуги не помогут, ни чьё-то заступничество, ни любые фантазии о какой-либо прочей помощи. Не поможет ничего. Пытки, потом казнь. Единственный способ остаться в живых – скрыть это. Сделать так, будто ничего не было.

– Так вы на пару с Закинхром прикрыли друг друга и с обеих сторон подменили реальность на бумаге и так, чтоб у обоих сходилось. Так я понимаю?

– Ну да. Правильно понимаешь.

– Ну ладно, допустим, на бумаге-то это сделано. А на деле-то как? Нельзя вечно не трогать эти подразделения, чтобы они там где-то стояли без дела. Когда-то ж это проскользнет...

– Уже нет. Сейчас они все в полях воюют против маки... И воевать там будут вечно. Обстановка тяжёлая и всё прочее... Хотя на деле против маки сейчас воюют только хиви. Держат Бахмут, как транспортный узел, а сами орудуют даль-

ше. Сейчас база Отряда-14 в Северодонецке, и где-то рядом несколько бригад хиви, готовятся, чтобы добить их... А мы потом выдадим отчёт об успехах имперской армии. СЧК совсем не против. Они только и рады, что мы это скажем. Лишь бы не мешали с этим самоуправлением...

Блух вдарил кулаком по столу – несколько стоявших на нём предметов отлетели в стороны, а министр остался сидеть на своём месте, всё с таким же немного грустным выражением лица.

– Твою мать, Дони! И мы при всё при этом сейчас едем к патриарху за благословением, чтобы вернуть власть имперской администрации и святой церкви при том, что вся эта история с самоуправлением в реальности и тебе самому нужна?! Так что же ты собираешься делать потом? Что ты будешь делать на том месте, когда зайдёт речь про эти твои семь легионов? Или ты сразу считаешь, что ничего там дельного не выйдет? И Неврох сам пошлёт нас на хер со всеми этим контрмерами?

– Честно говоря, да... Я уже думаю, что Невроху ничего не надо. Уж после того, как дело пошло с Самохом, уж это могло его и сломать...

– Я слышал про это. Смутная история, но я не верю, что он так просто сдастся. У него слишком большие амбиции. А такие тормозов не имеют. Я именно на это и рассчитываю. Именно на это. Что он может разогреться именно в тот момент, когда увидит, что и с его стороны кто-то играет. А у

меня, Дони, нет других вариантов... За СЧК я быть никак не могу. И ты никак не можешь, несмотря на то, что уже успел сделать.

– Вот и я так подумал, когда решил ехать с тобой. Что быть пешкой СЧК мне не к лицу. Но как по мне, Неврох сдался. Я не вижу, где он ещё что-то может сделать. Ему как бы место своё не потерять. Как и мне, собственно... Знаешь, я ещё долго думал над тем, что все эти наши желания не быть под чьей-то крышей на самом деле просто от нашей невозможности этого не делать... Сам подумай, почему вообще всё так получилось? Можешь не говорить мне, как это у тебя, но я расскажу про себя... Мне нужны были деньги. Постоянно. Больше, чем я официально получал. И ты сам понимаешь, как я решал эту проблему... И, разумеется, дело дошло и до СЧК, и до Закинхра. Он стал прикрывать меня за то, что я делал то, что ему надо. По сути, это стало для меня крышей. Давало мне свою выгоду, а в ответ я, условно говоря, платил за это соответствующую цену. И ведь нельзя же было сказать, что это какое-то неравноправие. Вот в чём всё дело. Это не выглядело таковым. И нельзя было это назвать таковым. Потому что это устраивало и его и меня... Единственно, что не так во всей этой конструкции, так это то, что я не мог отказаться. Да и сейчас не могу. Вот, где берутся все проблемы... Я настолько повязан с Закинхром, что начни он тонуть, и потянет меня за собой... И я уверен, что и тебя потянет...

– И меня потянет... – согласился Блух. – Ты всё правильно

говоришь. Он всех потянет, кого только сможет. И ещё неизвестно, кто первый затонет при таком раскладе... Но меня это уже не волнует. Тут уже просто нет выбора... Пройдёт ещё полгода или год, и вся Славянская колонна – это будет одно сплошное самоуправление. Где не нужен ни броз, ни какие-то министры. Где достаточно людей и СЧК, которые их крышуют. А раз не нужен ни броз, ни министры, то и всё то жидкое дерьмо, которого мы так боимся, обязательно вытечет наружу. Уж так, на всякий случай. Чтоб не передумали не мешать... Это всё сработает. Хотим мы того или нет... Ты правильно сказал, что во всей этой системе главное то, что от неё нельзя отказаться. А вот Закинхру можно. Мы на него ничего не имеем. Даже этот случай под Луганском, уж учитывая сколько времени прошло, ничем так страшно ему не угрожает... Но есть кое-что ещё, Дони. Есть кое-что ещё, о чём я не хотел говорить, пока мы не прибудем к Невроху... Но, видимо, придётся... Ты ведь в курсе, что в самом секторе «Диза» до сих пор находится Ананхр?

– Разумеется. У меня не вызывает сомнений, что это лишнее доказательство того, насколько для СЧК важно личное обладание этими секторами в самоуправлении людей.

– Да. Но важно не это. Важно, что она сестра одного из членов Центрального Комитета Империи... И, если я посчитал всё правильно, то этот её братец хочет устроить такой передел, чтобы остаться в этом комитете в единственном лице. А это уже вопрос не Славянской колонны. Это вопрос

всей Империи. И поверь мне, что если речь обстоит так, то встань мы вовремя на нужную сторону в этих разборках, и нам простят, что угодно...

Донхр улыбнулся и немного покачал головой:

– Да, дружище... Не ожидал я от тебя такого... Такого мудрого и дальновидного хода... Похоже ты даёшь мне хоть какую надежду...

Верховный жрец

Подвалы главного храма веры Жах в Чум-бату нельзя было назвать подвалами – это был настоящий подземный комплекс со своим центральным залом, где можно было собирать не только высшее руководство Церкви, но и устраивать массовые заседания важнейших жрецов Империи любого ранга, благо свободных кресел в нём было на полторы тысячи. Из него можно было пройти в залы поменьше, отдельные комнаты и, разумеется, в личный кабинет самого патриарха. Собственно этот кабинет был вторым по значимости после его личной резиденции. Всё в золоте и разнородных драгоценных камнях, мраморе и лепнине. Даже потолок был расписан древними изображениями предыдущих верховных жрецов, где в центре был сам Торкведох.

Неврох никогда не думал над тем, что, может быть, придёт время, и его дорисуют туда самого. Он собирался жить вечно и даже не думал над тем, что может быть по-другому. Это при всём при том, что он так основательно готовил себе наследника в лице Самоха. Своеобразный дуализм сознания – перманентное понимание своего наследия и полное отсутствие желания покидать свой пост даже вперёд ногами. Вот что такое бессмертие в сознании высших политических руководителей.

Только что ему доложили, что явился полковник из СЧК

с чрезвычайно важным письмом, содержащим государственную тайну, которую необходимо вручить ему лично. Видеть это отродье ему не то что не хотелось, он готов был лично собрать для него хвороста и пускай даже огнём разжечь огонь, чтобы спалить его дотла.

– Что прикажете ему передать, Ваше Святейшество? – спросил помощник Невроха жрец Кринох, которому с недавних пор он доверил также проводить службы в этом храме.

– Пусть ждёт. – ответил патриарх, понимая, что там какие-то официальные заявления, уведомления или нечто того же рода, касающееся Долоноха или Самоха. А, может, и обоих. Что там бумага, в которой эти гнусные уроды из СЧК захотят, чтобы сам патриарх давал показания, если не чего похуже. Они подвели эту ложь под статьи о государственной измене, а это значит, что привлекаться может, кто угодно и когда угодно. И, учитывая, только что промелькнули слова про «государственную тайну», то не приходилось сомневаться, что это именно так.

А принять-то его всё равно придётся. Даже если протянуть эту историю до завтра, хоть и это будет странностью, всё равно получение этой бумажки отменить не удастся. Другое дело, что и реагировать на неё можно по-разному... А всё же, какие у него сейчас возможности?

Одна бура негласного ресурса куда-то пропала, как и митрополит Гузох. И вполне возможно, что это взаимосвязанные вещи. Впрочем, обе потери не велики в этом случае...

Самох в следственном изоляторе СЧК в Луганске, и, вероятно, освободить его оттуда можно только силой, ведь с подобными обвинениями даже член ЦКИ не отмажется, уж если до того дойдёт дело. С Долонохом дело ещё хуже, и хоть дело носит явно символический характер, оставлять его просто так нельзя... И от киллера, посланного убить Гору вестей нет, а это значит, что это не удалось... Хорошая новость разве что в том, что ему лично ничего не угрожает, да и не будет, пока он находится в этом храме, да и под охраной пяти бур негласного ресурса... А это значит, что ему нужны чьи-то руки. Руки, способные брать калёное железо и скручивать его в бараний рог. Вот, чего ему не хватает... Собственно, ничего же и не изменилось – сам-то он всё равно не собирался ничего делать...

В дверь кабинета постучали – снова Кринох:

– Для Вас важное донесение, Ваше Святейшество.

Судя по выражению глаз и лица, это было что-то хорошее.

– Говори, сын мой.

Кринох склонился к его уху и зашептал так, что и Невроху-то было еле слышно:

– Ваше Святейшество, на префекта совершено покушение. По нашей информации он сильно ранен и без сознания. Ему делали несколько переливаний крови, но состояние критическое. Вероятно, он скончается в течение нескольких дней.

Неврох улыбнулся. Наконец-то, и хорошие новости. На-

конец-то и у него пошли дела в нужную сторону:

– Благодарю. Ступай, сын мой.

Кринох вышел из кабинета, но успел закрыть за собой дверь, как к нему кто-то подошёл и что-то сказал. После этого жрец сразу вернулся обратно:

– Ваше Святейшество, к Вам два посетителя: броз Славянской колонны Блух и министр имперской армии колонны Донхр. Прикажете, пропустить?

– Да, сын мой. А полковник СЧК пусть ещё подождёт...

Спустя несколько минут перед патриархом стояли губернатор и министр, с несколько неоднозначными глазами, которые мельтешили из стороны в сторону, как мухи над дерьмом. Было видно, что они сами не знают, с чего начать, и, видимо, чем и закончить тоже не знают.

– Очень рад Вашему приезду, господа дворяне-примы... – начал Неврох, понимая, что всё же стоит поторопиться с новостями. – В нашем современном обществе уже не очень-то принято вспоминать про дворян, но всё же, мне будет важно понимать, что вы видите моё почтение к вам... Так скажите мне, дети мои, по какому благому делу вы пожаловали ко мне?

Они оба не хотели говорить, и было видно, что вообще сам разговор для них граничит между жизнью и смертью, но не начать его они тоже не могли. Сказал Блух:

– Ваше Святейшество, мы приехали к Вам за благословением...

– Любому благому делу будет дано благословение. Скажите мне, какое у вас дело?

– Мы хотим вернуть отнятые у святого престола территории. Те самые, что сейчас под самоуправлением людей, что не верят в Жах. А чумов там и не осталось. Стало быть и веры там нет... Мы пришли получить благословение вернуть эти земли снова под управление имперской администрации с тем, чтобы и чумов вернуть туда – на рабочие специальности и на охранные. Тогда вера Жах будет восстановлена.

– Благословляю, дети мои. Как только вы вернёте эти территории, и там снова будут чумы, мы освятим и сами сектора, и Ваше пребывание на своё посту. И Ваше броз Блух, и Ваше министр Донхр... Скажите мне, с чего Вы планируете начать?

– С того, чтобы освободить митрополита Самоха и вернуть его к службе святой Церкви, – сказал Донхр. – Мы не будем раскрывать детали. Но будьте уверены, мы вытащим его из лап СЧК.

Такого Неврох даже не ожидал. Чтобы два высокопоставленных чиновника так пылко рвали на себе одежду в попытках доказать преданность Церкви... Разумеется, это не от хорошей жизни, но причина явно в одном. Они оба теряли власть, а вместе с ней и свою способность держаться на плаву. Понятно, что на них обоих есть что-то у СЧК, и что начини они только такой путь, и обратной дороги уже не будет. Так что стоило сразу проверить их на прочность.

Неврох нажал на кнопку вызова помощника на своём столе, и тут же явился Кринох.

– Позови, пожалуйста, полковника из СЧК. Я хочу, чтобы он говорил в присутствии этих достопочтенных дворян-приемов из светской власти.

Блух и Донхр переглянулись, но им и так было понятно, что терять уже нечего. Так что и соглашаться пришлось с любыми пожеланиями патриарха, лишь бы уж он от них теперь не открестился.

Спустя несколько минут зашёл эсчекист. Такой весь из себя важный, с основательной величественной осанкой, не свойственной чумам из силовых структур. Явно из главного управления, из которого, очевидно, выходил он не часто. И только тогда, когда кто-то пнёт оттуда сапогом, выше его по рангу.

– Ваше Святейшество, имею честь представиться, полковник Чоринхр. Вам уведомление особой секретности... Этим господам лучше при нём не присутствовать, – сказал полковник.

– Этим господам можете всецело доверять. Они преданы Церкви и нашей Империи.

– Ну что ж, воля Ваша. Добавлю лишь, что разглашение этой информации непосвящённым лицам приравнивается к государственной измене. И, учитывая, что Вы настояли на их присутствии, то их неразглашение на Вашей ответственности. Вы принимаете такую ответственность, Ваше Святей-

шество?

– Разумеется, полковник. Я прекрасно знаю все правила. Говорите, о чём речь в Вашем послании?

Полковник раскрыл большую папку, в которой лежал один лист, тугой как пергамен, и зачитал его:

– По требованию суда СЧК группировки «Донецк-Макеевка», Вы, Ваше Святейшество, патриарх веры Жах вызыва-
етесь как свидетель по делу о государственной измене митрополита Самоха и обязаны явиться в Луганск в течение 7 дней. Прошу принять это уведомление лично в руки.

– Да, конечно, давайте его сюда, сын мой, – спокойно сказал Неврох, в то время как Блух и Донхр уже несколько тряслись от удивления, и было видно, что им не по себе от услышанного.

Неврох принял из рук эсчекиста бумагу, разглядел её и положил себе на стол:

– Ну что ж, полковник... Полагаю мы не должны ставить под сомнение Вашу преданность на службе Империи?

Полковник несколько опешил, ему было совершенно непонятно, к чему может клонить патриарх после того, как получил столь неоднозначное для себя уведомление:

– Не должны, Ваше Святейшество. Я предан Империи.

– В таком случае Вы не будете отрицать, что руководитель Славянской колонны Закинхр нарушил устои нашей святой Церкви, а равно и нашей Империи, когда передал через Вас послание о том, что он лично куда более заслуживает того,

чтобы быть патриархом. И что и сам Центральный Комитет Империи должен быть у него на побегушках. Вы не находите подобное заявление прямым посягательством как на духовную, так и на светскую власть в Империи?

Полковник глядел на него, потом на Блуха и Донхра, потом снова на него удивлёнными глазами:

– Что за?! Ваше Святейшество, я такого не говорил! Тот документ, который Вы держите в руках содержит уведомление о необходимости явки в луганский суд СЧК!

– Да что Вы? Сказали такое в присутствии двоих дворян-примов, а теперь будете утверждать обратно? – Неврох повернулся к брону и министру, стоявших в полном изумлении от того, что происходит. – Сын мой Блух, Вы подтверждаете сказанное мной?

Блух стоял, не шелохнувшись, начиная понимать, с кем он имеет дело, но пути назад уже не было:

– Подтверждаю Ваши слова, Ваше Святейшество.

– А Вы, сын мой Донхр?

Донхр стоял более уверенно и в некоем роде даже более уравновешенный, чем когда они только зашли:

– Вы всё верно сказали, Вашей Святейшество.

– Да охуели вы тут что ли?! – закричал эсчекист на брону и министра в то время, когда патриарх уже нажимал какую-то кнопку на своём столе. Практически мгновенно в кабинет влетел десяток вооружённых послушников из буры негласного ресурса.

– Взять его, – скомандовал Неврох, указывая на полковника, и продолжил. – Сын мой, Чоринхр, Церковь жестоко карает ослушавшихся, но и легко прощает раскаявшихся. Особенно, если они помогают ей пресекать ересь и сохранять целостность духовной и светской власти Империи... Вы готовы свидетельствовать против изменника или будете упорствовать?

– Там же официальная бумага! – закричал Чоринхр. – В ней всё написано, с чем я пришёл! Все в управлении знают это. Сам шеф СЧК знает это! У вас не получится так нагло врать об этом!

– Вот эта бумага... – Неврох чуть приподнял не так давно переданный ему пергамен и положил обратно, немного разгладив. – Содержит в себе неправомерное требование сложить с себя полномочия, предать веру и Империю, путём присяги на верность какому-то сумасшедшему. И в ней это написано прямым текстом.

У Невроха был целый отдел под цифрой «2», который занимался изучением, распознаванием и, что самое главное, подделыванием государственных бумаг разного уровня. Обычно там работали над созданием искусственных доказательств для самых отъявленных врагов веры Жах, когда надо было вколотить последний гвоздь в гроб их обвинения. Но это было, скорее исключением, в тех случаях, когда нельзя было отступать. Весь отдел мог несколько суток трудиться над одним документом, изготавливая его и изучая юридическое про-

странство вокруг него так, чтобы он лаконично в него вписался по датам, отчётам и порядковым номерам, создавая, по факту, целую отдельную реальность в государственном делопроизводстве. Качество было настолько высоко, что в имперской администрации несколько раз уволили чумов, в чьё ведение должны были попасть такие документы. Увольняли за то, что столь важный документ, как предполагали в администрации, был утерян или не учтён – настолько скрупулёзно Второй отдел подбирал все материалы и подделывал печати и подписи. И хотя документы подобного тому уровню, что принёс Чоринхр, ещё ни разу не формировались, Неврох не сомневался, что для столь важного дела, они уж не ударят в грязь лицом.

– Вы что все с ума сошли?! – закричал Чоринхр, пытаюсь безуспешно вырваться из лап, сковавших его послушников. – Вас под суд всех отдать! Это расстрельное дело!!!

– Сын мой, вы просто запутались... Но это не беда. Как я уже сказал, мы принимаем в лоно Церкви раскаявшихся. – продолжил Неврох и обратился к своим послушникам. – Отведите полковника в его новую комнату. Я уверен, для начала ему необходимо всё хорошенько обдумать...

Полковник всё продолжал пытаться вырваться, пока его волокли к выходу, даже пинался ногами, но стоило двери хлопнуться, как он практически сразу замолчал – видимо, выведя его из помещения, послушники первым делом крепко вдарили ему по голове.

– Вы обещали мне освободить митрополита Самоха из лап этих гнусных воров и убийц. – обратился патриарх к всё продолжавшим ровно стоять дворян-примамам.

– Мы это сделаем. – ответил Донхр. – Все сделаем всё, что обещали. . . Благословите только нас на это, Ваше Святейшество.

Неврох уже и забыл о такой мелочи. Точно, ведь они приехали к нему за этим. Получить благословение, чтобы вернуть святой Церкви утраченное влияние в Славянской колонне. Как же он мог про такое забыть. . . Ну не мудрено потерять голову, когда кругом столько добрых вестей: и удачное покушение на префекта с его приближающейся смертью, и фактическая присяга в верности со стороны светской власти целой колонны, и справедливое заточение этого убогого полковника, который станет теперь нашим новым свидетелем. Нет, всё же, когда создавали целый отдел, способный корректно и своевременно рисовать столь сложные государственные бумажки, наверно, не думали о том, что когда-то это сыграет такую роль.

Патриарх, полный новых сил, встал со своего стула и подошел к брону и министру поближе. Он был выше их почти на голову, а мантия из фиолетового шелка с вышитым на нем золотом придавала помпезности:

– На колени, дети мои.

Такого они несколько не ожидали. Но, учитывая, что это уже не первое действие, которое они не ожидали от него се-

годня, то это было уже менее удивительно. В конце концов, это ж они к нему приехали со своими предложениями, а не он к ним. И они его просили о чем-то, а не он их. А раз так, то и стыдиться уже нечего. Первым на колени встал Донхр, он был куда более подготовлен к этому, и если бы ему сейчас сказали, например, связать для себя узел на веревке, потому что его собрались вешать, то он бы и это сделал. Ему уже хотелось делать что угодно, лишь бы побыстрее закончить всю эту неизвестность.

За ним на колени опустился и Блух.

Неврох поднял над их головами руку и произнес:

– Благословляю Вас, дети мои. Верните в лоно Церкви всю Славянскую колонну, освободите митрополита Самоха у будьте уверены, у Вас есть полное право уничтожить при этом любую ересь, которая встретится у вас на пути.

Конец четвертой части

Социальные сети автора:

Youtube – <https://www.youtube.com/channel/UC850VD9hdNOr1uzYFLJz3GA>

UC850VD9hdNOr1uzYFLJz3GA

VK – <https://vk.com/homoludus>

Дзен – <https://dzen.ru/homoludus>

Livejournal – <https://homoludus.livejournal.com/>